

БЕНГТ ДАНИЕЛЬСОН

ПОЛИНЕЗИЯ —

ЗЕМЛЯ В ОКЕАНЕ

Бенгт Даниельссон

ПОЛИНЕЗИЯ—
ЗЕМЛЯ
В ОКЕАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

СОСТАВИЛ И ПЕРЕВЕЛ СО ШВЕДСКОГО Л. ЖДАНОВ

ПОЛИНЕЗИЯ

(физико-географический очерк)

Наш общечеловеческий опыт говорит, что предвкушение лучше, чем действительность: она приносит обычно разочарование, и мечта остается несбыточной. Не такова Полинезия!.. Полинезия — это избыток красоты, вызывающей ко всем вашим чувствам...

Эти слова принадлежат известному американскому исследователю Тихого океана Роджеру Ревеллу. И он не одинок в такой оценке Полинезии. В путевых записках русских мореплавателей XIX в. на многих страницах можем встретить восхищенные отзывы об островах и атоллах Тихого океана. Так, «преlestным раем» назвал Ф. Ф. Беллинсгаузен остров Таити. Восторженными словами описывает природу островов Полинезии писатель Герман Мелвилл. «Страной света» назвали Маркизские острова их первые поселенцы — полинезийцы, а несколько веков спустя испанские мореплаватели, пораженные возникшим из океана волшебным видением, назвали их Островами Маркизы, в честь одной из прекраснейших женщин своего времени. Так были открыты для человечества эти острова дважды как видения прекрасного. Очарованный красивой природой и здоровым климатом островов Полинезии, наш современник Бенгт Даниельссон стал на 17 лет добровольным пленником острова Таити. Именно в Полинезии — на Гавайских островах и острове Таити произошли наши первые встречи с ним.

Где же расположена Полинезия и в чем ее характерные географические отличия? На синих необъятных просторах Тихого океана рассыпаны тысячи островов, обозначенные на картах как Океания. Особенность Океании — ее островной состав: общая площадь островов составляет около 2 процентов от занимаемой океаном поверхности, причем 85 процентов площади суши занимают Новая Гвинея и Новая Зеландия, а на все остальные тысячи островов приходится всего лишь 15 процентов, или 177 тыс. кв. км. Океания разделяется на три большие географические области. В основе этого деления лежат не физико-географические, а этнографические и культурно-географические признаки: общность происхождения, язык, культура и обычаи народов, заселяющих каждую область. Юго-западную часть Океании занимает Меланезия, северо-западную — Микронезия, а центральную часть Тихого океана — Полинезия. Некоторые географы вполне обоснованно выделяют еще в отдельную область Новую Зеландию, хотя ее коренное население — маори относится к полинезийским племенам.

Острова Полинезии (от греческих слов «polu» — много и «nesos» — остров), или «островная пыль», как образно называют их часто, почти все (за исключением Новой Зеландии) расположены в Западном полушарии в тропическом поясе океана внутри гигантского треугольника: на севере Гавайские острова, на юге — Новая Зеландия, на западе — остров

Пасхи. В Полинезию входят острова Гавайские, Эллис, Феникс, Тонга, Кука, Самоа, Лайн, Тубуаи, Общества, Маркизские, Туамоту, Питкэрн, Пасхи и др. Их общая площадь всего около 26 тыс. кв. км.

Острова Полинезии, как и всей Океании, сгруппированы в архипелаги, расположенные в определенной системе — тремя concentрическими дугами. Такое их расположение связано с геологическим строением дна Тихого океана и процессами, совершающимися в земной коре под океаном. Острова вулканического происхождения и относятся к типу океанических островов. По существу, это вершины подводных хребтов, возвысившихся в конце неогена и четвертичном периоде 10—25 млн. лет назад вследствие мощных излияний базальтовых лав по линии разломов дна океана: таковы острова Гавайские, Маркизские, Общества, Самоа и др. Другие острова, как, например Тубуаи, созданы разобщенными вулканами, поднявшимися из глубин океана. В Восточной Полинезии встречаются одиночные или небольшие группы вулканических островов. Большинство островов Полинезии окружено коралловыми рифами или является самостоятельными коралловыми постройками, поднимающимися над вершинами подводных вулканических гор. Область распространения кораллов определяется гидрологическими условиями: они хорошо развиваются при температуре воды около 25°C и гибнут, если она снижается до 18°C.

Полинезия славится необыкновенно живописной природой островов и здоровым климатом. Мореплавателей поражают причудливые очертания возникающих из океанских глубин зеленых гористых островов с устремленными к небу вершинами потухших или действующих вулканов, вид атоллов, поросших стройными пальмами, с тихой водной гладью лагун внутри кораллового кольца. Для островов характерен резко выраженный горный рельеф: крутые и пологие склоны гор, обильно покрытые растительностью влажных тропиков, неширокие уютные зеленые долины у подножия гор, узкая прибрежная полоса, пляжи в вершинах бухт, покрытые белосерым коралловым или черным вулканическим песком. Подавляющее число населения островов живет на узкой ровной полосе океанского берега. Остров Таити, например, нанесен на карту в виде цифры восемь: он состоит из двух потухших вулканов, соединенных узким перешейком, центр большого острова Тахити-Нуи занимает купол горы Орохена высотой 2241 м, малый остров — Тапа-Рапу. Мы посетили Бенгта Даниельсона в его усадьбе, расположенной на большом острове в одном из красивейших уголков Таити, на самом берегу океана в роще высоких и гордых кокосовых пальм. Коралловый барьер в километре от берега принимал на себя мощные удары грозных океанских валов и гасил их гигантскую силу.

Французский художник Поль Гоген, проведший последние годы своей жизни на Таити и Маркизских островах, не только запечатлел природу Полинезии на своих неповторимых полотнах, но и написал о ней следующие строки: «Ландшафт порастил меня своими чистыми и теплыми красками. И мне так легко было писать его таким, как я его вижу... Отраженные в потоках воды золотистые формы очаровали меня. И как же не рассыпать мне все это золото, весь этот радостный солнечный свет на мои полотна...».

Чудесной палитрой красок природа Полинезии обязана своему географическому положению в экваториальной и тропической зонах Тихого океана и морскому климату, особенности которого определяются океаническим положением островов. Климат Полинезии жаркий, экваториальный, с очень небольшими годовыми колебаниями температуры — не более 5°, среднегодовая температура колеблется от 23,5 (на севере) до 28°C (на экваторе). Так, например, климат о. Раротонга (о-ва Кука) считается одним из лучших в тропическом поясе земного шара: летом суточная температура колеблется там в пределах 29 (днем) — 23°C (ночью), а в зимние месяцы снижается всего на 4°. Тепловой баланс Полинезии весь год положительный. В летнее время выпадает много дождей — на западе

больше (2000 мм в год), а чем дальше к востоку, тем меньше. Поднятие лежит в зоне северо-восточного и юго-восточного пассатов и крупный год находится под их воздействием. В центральной части Полинезии часто зарождаются циклоны, вызывающие сильнейшие ураганы, которые сметаю в океан все живое. Другим бедствием являются возникающие в глубинах океана мощные волны цунами, достигающие высоты более 20 м и приносящие островам огромные разрушения.

Животный и растительный мир Полинезии сильно отличается от континентов и характерен своей эндемичностью. Виды вечнозеленых растений разнообразны: здесь и араукарии, рододендроны, кротоны, акации, фикусы, бамбук и многие другие; сырые и прибрежные места заняты мангровыми зарослями. Почти повсеместно встречаются панданус и хлебное дерево. Большое место занимают принесенные человеком культурные растения: банан, папайя (дынное дерево), манго и корнеплоды — ямс, таро и батат. Кокосовая пальма является основным источником дохода большинства полинезийцев. На многих островах на месте уничтоженной естественной растительности разбиты плантации, на которых возделывают сахарный тростник, ананасы, кофе, какао, миндаль, чай, каучуконосы.

Сухопутный животный мир Полинезии довольно беден, зато необыкновенно богаты жизнью прибрежные воды островов и атоллов. На самих островах нет ни хищных животных, ни ядовитых змей.

Мы очень кратко рассказали только о природе Полинезии. О ее людях, их радостях и невзгодах, обычаях и нравах, судьбах населения Полинезии читатель узнает из содержания этой книги и послесловия.

Е. М. СУЗУМОВ,

зам. председателя Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации

Если бы марсианину поручили изучить человеческое общество, он со своей объективной точки зрения наверно решил бы, что семья и строй, сложившиеся на Западе в последние десятилетия, во многом самый причудливый и своеобразный социальный эксперимент в истории человечества. Полинезийская общественная структура представилась бы ему гораздо более типичной для человечества и в прошлом, и теперь.

ФЕЛИКС КИЗИНГ. Океания в современном мире

Земной рай?

Океанию, как известно, составляют три большие группы островов: Микронезия и Меланезия на западе, Полинезия — на востоке. Это деление основано на существенных расовых, языковых и культурных различиях. Но нам настолько нравятся полинезийцы, что мы как-то забываем про остальных обитателей Океании, вот почему ее издавна отождествляют с Полинезией.

Правда, мы вряд ли восхищались бы так сильно полинезийцами, если бы свободный взгляд на любовь не сочетался у них с гостеприимством и красотой. Можно назвать много народов, которым присуща какая-то одна из этих черт, но мало кто наделен сразу всеми тремя в такой мере, как полинезийцы.

От восхищения один шаг до идеализации. И большинство первых европейских путешественников без труда убедили себя и других, что жизнь на этих островах во всех отношениях райская. Это сознательное или бессознательное восхваление Полинезии достигло апогея во Франции во второй половине XVIII в., когда последователи Руссо рьяно искали подтверждений популярного тезиса своего учителя, который говорил, что простой человек, дитя природы, всегда добр, а все зло в мире — от техники и цивилизации. Один из самых ретивых руссоистов, побывав на Таити, торжествующе доложил, что счастливые островитяне «живут без пороков и предрассудков, без запросов и распрей. Они рождены под восхитительным небом, питаются плодами... управляют скорее патриархами, чем королями, и не признают никакого бога, кроме — Любви». И хотя столь полное совпадение с теориями Руссо должно было показаться подозрительным, большинство поверило, что найден земной рай.

На самом деле все, что писали и пишут руссоисты, — вздор. Зато многим миссионерам принадлежат отличные,

подробные описания разных сторон жизни полинезийцев. Но миссионеры чаще всего стремились оправдать свою собственную деятельность, подчеркивая невежество и варварство несчастных язычников до обращения в истинную веру, поэтому надо тщательно различать факты и домыслы.

Эти две традиции — руссоистская и религиозная — до сих пор преобладали в литературе об Океании настолько, что даже окрашивали восприятие очевидцев. Видеть — искусство, притом трудное. Насколько личные взгляды и предрассудки могут повлиять на оценку, показывают приводимые ниже слова двух наблюдателей, которые примерно в одно и то же время, в начале XIX в., жили на одном и том же острове Нукухива Маркизского архипелага.

Вот мнение американского моряка Портера: «По-моему, нет на свете более честного, радушного и одаренного народа. Их именуют дикарями, но это неверно, они очень высоко стоят и физически, и морально. Мы считаем их смелыми, щедрыми, искренними, доброжелательными, проникательными, смысленными, умными, и красивое, правильное телосложение их отвечает духовному совершенству».

Совсем иное пишет миссионер Томсон, который сделал неудачную попытку обратить нукухивцев в христианство. «Мало кто сравнится с маркизцем во лжи и воровстве, а дерзостью он всех превзошел. Нет того черного греха, которым не была бы осквернена его душа, лишенная всех нежных и благородных чувств... В высшей степени отвратительное создание, позорное пятно на челе Природы... радушие ему неведомо, а если когда-нибудь в его груди и загорается искра дружелюбия, то лишь в надежде на вознаграждение».

Трудно поверить, что речь идет об одном народе.

Другой источник ошибок, о котором надо помнить, когда оцениваешь противоречивые высказывания, — абсолютное незнание большинством путешественников языка. В эпоху открытий даже авторы наиболее подробных и добросовестных путевых заметок лишь ненадолго высаживались на островах и не могли хорошо изучить полинезийский язык. О том, как трудно при таких условиях получить самые простые сведения, ярко говорит список названий семи островов архипелага Самоа, составленный одним известным путешественником с помощью островитян. Все семь названий неверны. Одно — имя вождя, другое означает «вон там», третье, возможно, — название деревни, а остальные четыре и вовсе бессмысленны.

Чтобы реконструировать прошлое, нужны строго научные методы. Они во многих случаях применялись и приносили хорошие плоды. Есть первоклассные обзорные труды о полинезийской религии, общественном строе и материальной культуре (лодки, орудия труда, одежда, жилища). Есть даже

специальные работы о мотивах искусства, типах боевых па-лиц и рыболовных крючках. Но о том, что всегда особенно занимало нас, европейцев, что в первую очередь прославило Океанию и создало романтический ореол этого края, мы знаем меньше всего. Не было ни одного полного и достоверного труда, посвященного семье и взаимоотношениям полов у полинезийцев.

Вероятно, и я никогда не отважился бы взяться за такую задачу, если бы желание узнать, как же все-таки на самом деле жили в доброе (или недоброе) старое время, не подстегивалось личными наблюдениями над тем, как теперь сталкиваются полинезийский и европейский жизненный идеалы. И хотя книга писалась не больше года, можно без преувеличения сказать, что подсознательная подготовка и сбор материала продолжались семь лет.

Материал, на котором я основывался, можно подразделить так:

1. Записки путешественников, капитанов, миссионеров и купцов, посетивших Полинезию в конце XVIII и начале XIX в., когда еще не произошло заметных перемен.

Выискивать заслуживающие интерес факты в литературе той поры было все равно, что подбирать сотни кусочков мозаики, рассеянных по всему свету.

2. Сведения, собранные за последние пятьдесят лет этнографами, которые систематически расспрашивали представителей старшего поколения островитян о прежних нравах и обычаях.

Содержащиеся в этих трудах данные о взаимоотношениях полов часто представляют большую ценность, но, к сожалению, они фрагментарны, потому что авторы больше интересовались другими сторонами культуры или же не смогли побывать на всех островах, где сохранились старые обычаи.

3. Собственные исследования, проведенные на Таити, Туамоту, Новой Зеландии, островах Кука, Самоа, Маркизах и на Гавайских островах¹.

Прямой контакт с полинезийцами позволил мне прояснить многие туманные и противоречивые места в старой литературе и получить более четкое общее представление. При этом мне очень помогла моя жена Мария-Тереза, которая сумела узнать о нравах и обычаях женщин многое, что от мужчин скрывают.

¹ Исследовательские путешествия Бенгта Даниельссона по островам Океании начались с его участия в знаменитом рейсе на плоту «Кон-Тики» под командой Тура Хейердала в 1947 г. С того времени он совершил целый ряд поездок по разным архипелагам Полинезии, побывал в Австралии и на долгое время поселился с семьей на о. Таити, откуда продолжал свои научные экскурсии. — *Ред.*

Конечно, не все куски мозаики найдены (и ведь некоторые из них утеряны безвозвратно), но и того, что удалось собрать, довольно, чтобы получить в основном достоверную картину по вопросам семьи и пола в Полинезии конца XVIII в.

Мысль о том, что мы чему-то можем научиться у народов «примитивной» культуры, многим покажется еретической, однако за последние десятилетия антропологи убедительно показали ценность сравнительных исследований. Хороший пример — труд Маргарет Мид о меланезийских племенах, женщины которых мужественны, а мужчины женственны — с нашей, европейской точки зрения. Выходит, разница характера мужчины и женщины не врожденна, как многие считали до сих пор, а зависит от воспитания.

Но вернемся к вопросу, который издавна вызывает столько споров: правда ли, что жизнь в Полинезии была и остается райской?

Я ограничиваюсь тем, что сообщаю важнейшие факты о семье и взаимоотношениях полов в Полинезии, предоставляя читателю самому на их основе ответить на этот вопрос. Правда, я, насколько возможно, пробую объяснить нравы и представления, рассматривая их в широком контексте. Надеюсь, однако, что в каждом случае хорошо видно, где проходит грань между фактами и толкованиями. Нужно ли подчеркивать, что факты всегда важнее. И что я готов без колебаний отказаться от данного объяснения или толкования, если кто-то предложит лучшее.

Аристократы каменного века

Не умея разобраться в сути, мы налепили ярлык «примитивные» на большинство народов иной расы и культуры, приравниваем их к диковинам вроде бородатой женщины или сямских близнецов на старых ярмарках. Даже многие одаренные и эрудированные исследователи причастны к широко распространенному заблуждению, будто первобытные народы в корне отличны от нас. Так, один известный этнолог пытался доказать, что мышление первобытных народов находится на «дологической» стадии. Другие исследователи говорят, что эти народы автоматически подражают, не используя рассудок. И есть целая научная школа, утверждающая, что действия «дикарей» направляются неким коллективным подсознанием.

В лучшем случае первобытным народам приписывают глупость. Приведу очень популярный в Океании забавный рассказ, призванный показать ограниченность островитян. У одного англичанина, заведовавшего плантацией, был ис-

искусственный глаз; туземные рабочие, конечно, этого не знали. Однажды, когда англичанин особенно сильно страдал от зноя и мечтал о холодном пиве, ему пришла в голову блестящая мысль. Он вынул искусственный глаз, положил его на камень, и объявил рабочим, что может наблюдать за ними даже на расстоянии. Они явно ему поверили, и он спокойно направился в ближайшую пивнушку. Вернувшись через несколько часов, англичанин с радостью убедился, что без него работа шла полным ходом. И он стал и впредь оставлять за себя свой искусственный глаз. Но однажды, придя из пивной, англичанин застал всех рабочих спящими под пальмами. Они придумали простое, но действенное средство уйти от наблюдения: накрыли искусственный глаз шляпой! По-моему, эта история (если она не выдумана) доказывает не глупость, а напротив, ум и сметку островитян. Конечно, нелепо верить в магические свойства искусственного глаза, но действовали они вполне логично. Не ума им не хватало, а знаний.

Все хитроумные теории, основанные на том, что первобытные народы будто бы в корне отличны от нас, европейцев, одинаково несуразны. Стоит копнуть глубже, взглянуть на нравы и представления этих народов под другим, более широким углом зрения, как их поведение оказывается вполне разумным и последовательным.

Так как я убежден, что для верного понимания вопросов семьи и пола в Полинезии их надо рассматривать вместе с географическими, социальными, религиозными и экономическими факторами, расскажу вкратце о природе и культуре области.

Начнем с исключительно своеобразных географических условий, к которым пришлось приспособливаться полинезийцам. «Полинезия» означает многочисленные острова. Меткое название — ведь их около 350! Если исключить совсем изолированный остров Пасхи, остальные острова составляют крупные и мелкие архипелаги, подчас сильно удаленные друг от друга. От Гавайского архипелага на севере до Новой Зеландии на юге 8 тыс. км, от Самоа на западе до Пасхи на востоке — 7 тыс. км. Величие подвига, совершенного предками полинезийцев, которые разыскали и населили все эти клочки суши в самом большом океане земного шара, лучше всего понимаешь, вспомнив, что полинезийский треугольник Гавайские острова — Новая Зеландия — остров Пасхи в четыре раза больше Европы¹.

¹ Об истории заселения восточной части Тихого океана предками полинезийцев см.: Те Ранги Хироа. Мореplаватели солнечного восхода. М., Географгиз, 1959, и Тур. Хейердал. Приключения одной теории. Л., 1969. — *Ред.*

Почти все острова Полинезии чрезвычайно малы. Нескольких примеров: Гавайи — 10 478 кв. км, Саваии — 1820 кв. км, Таити — 1042 кв. км, остров Пасхи — 130 кв. км. Но и эти цифры дают преувеличенное представление о полезной площади. Многие острова — всего лишь торчащие из океана макушки потухших вулканов; сами понимаете, на склонах кратера не разгуляешься, особенно, если вершина — как Мауна Кеа и Мауна Лоа в Гавайском архипелаге — вздымается на четыре с лишним тысячи метров. Хорошо еще, что большинство вулканов не действующие. Только на Новой Зеландии, Саваии и Гавайи есть кратеры, которые время от времени извергают ровно столько лавы и огня, сколько надо, чтобы сделать их безобидными туристскими достопримечательностями.

Наряду с гористыми очень много коралловых островков, или атоллов; все они гораздо меньше и хуже пригодны для обитания. Вот типичные данные по Рароа: вся поверхность атолла — 400 кв. км, площадь лагуны — 340 кв. км, площадь кораллового кольца — 60 кв. км, суша — 21 кв. км.

Но из суши — той части кораллового кольца, которая постоянно находится выше уровня моря, — лишь менее половины, 10 кв. км, годится для возделывания, причем эта площадь разделяется на сотни островков длиной и шириной в несколько сот метров. В общем только одна шестая часть кораллового кольца пригодна для обитания; это соотношение, с небольшими отклонениями, справедливо для всех полинезийских атоллов.

Если учесть ограниченность пригодной площади, население Полинезии, когда сюда впервые пришли европейцы, было достаточно велико: по осторожным подсчетам — около одного миллиона. Одна треть приходилась на Новую Зеландию, неполная треть — на Гавайские острова, остальные — на все прочие острова и островки. Только на Новой Зеландии людям жилось просторно, в других же частях Полинезии первые гости из Европы отметили явную угрозу перенаселения.

Хотя Полинезия по праву славится мягким, летним климатом, перепад температур в разных частях острова и тем более на разных островах может быть очень заметным. Там, где есть горы, достаточно подняться на высоту около тысячи метров, чтобы почувствовать холод. А на склонах Мауна Кеа и Мауна Лоа зимой можно даже кататься на лыжах. Естественно, на разбросанных по огромной площади островах неодинаковый климат. На Самоа и Маркизах — жарко, духота, а на Австральских островах вечером, чтобы не простудиться, надо надевать свитер. И совсем за пределами тропического пояса лежит Новая Зеландия, чей климат близок к английскому.

Рассуждения о связи между природой и культурой всегда были популярными и выступают в самом разном облике — от грандиозных геополитических теорий до простодушных заявлений, будто бы мы, шведы, суровы и чопорны из-за холодного климата. До сих пор никому не удалось убедительно показать, чтобы именно географические условия определяли характер человека или всю культуру. Другое дело, что они подчас ограничивают развитие культуры. Это особенно заметно в Полинезии, где, несомненно, многие экономические и социальные черты в конечном счете обуславливаются нехваткой каких-то видов сырья, ограниченной площадью островов и большой удаленностью от всех материков.

Самое очевидное следствие изолированности полинезийского островного царства — культурное единообразие. Обычаи и нравы на разных архипелагах были сходны как в протестантских странах Северной Европы; язык почти не различался. Сильнее всего отклонялись от полинезийской нормы Самоа и Тонга, жители которых во многом подражали своим меланезийским соседям на Фиджи. Несколько особняком стояла также Новая Зеландия, где холодный климат и своеобразные природные условия отразились прежде всего на растениеводстве, жилищах и одежде. Но и здесь, и в других частях Полинезии, кроме Тонга и Самоа, речь шла о небольших отклонениях, которые можно назвать вариантами главной, полинезийской темы.

Говоря о хозяйстве, этнологи, склонные к систематизации, делят первобытные народы на три группы: собирателей, охотников-рыбаков и земледельцев-животноводов. Из-за географической специфики Океании ни одно из этих определений не подходит полностью к полинезийцам. Собирательством они занимались мало, потому что каждая семья имела свои поля и огороды, а из диких растений в пищу шли только горные бананы да иногда корни папоротника. Конечно, все полинезийцы были искусными рыбаками, но никак не охотниками — ведь почти на всех островах единственным диким млекопитающим была крыса.

Называть полинезийцев животноводами в подлинном смысле слова нельзя, ведь они держали только свиней, кур и собак, вспоминая про них лишь тогда, когда надо было что-то приготовить к обеду. Термин «земледелец» я бы тоже применил с большими оговорками. Полинезийцы не обрабатывали землю так, как мы; и им не надо было молотить и молоть, так как они не знали ни европейских злаков, ни риса, ни кукурузы. Из полинезийского набора культурных растений хлебное дерево и банан почти не нуждались в уходе; таро, батат, ямс и сахарный тростник требовали несколько больших усилий.

Что до овеванных романтикой кокосовых пальм, то их разводили не так уж много, ибо орехи, по правде говоря, играли в питании совсем подчиненную роль. К тому же «разводить пальмы» слишком громко сказано. На самом деле выращивают в земле ямку глубиной около десяти сантиметров, бросают туда орех и ждут. Через семь-восемь лет пальма начинает плодоносить, после чего исправно служит по меньшей мере полвека, не требуя никакого ухода. Если спустя семьдесят-восемьдесят лет урожай вдруг начнет падать, можно тем же способом посадить новую пальму, и все.

Не будем, однако, ломать голову над тем, как назвать хозяйство полинезийцев. Посмотрим лучше, как оно функционировало.

Полинезийцы не думали дальше сегодняшнего дня, и это не удивительно, ведь здесь царил вечно лето, и урожай собирали круглый год. Да и пожелай они создать запасы, это было бы не легко — во-первых, само земледелие было слабо развито, во-вторых, в тропическом климате сложно хранить продовольствие. И так как излишков не оставалось, да к тому же каждая семья полностью обеспечивала себя одеждой и орудиями, в Полинезии почти не знали меновой торговли. Лишь изредка обитатели какого-либо атолла отправлялись к соседям на вулканический остров, чтобы получить базальтовые топоры в обмен на перламутровые крючки. Случалось, конечно, что та или иная семья испытывала временную нужду из-за неурожая, плохого улова, болезни кого-то из работников и т. п. Здесь выручал обычай подарков, который был неверно понят большинством европейских путешественников.

Проще всего приписать полинезийцам врожденную щедрость и расточительность; наверно, они то же сказали бы о шведах, если бы попали к нам на рождество. И многие европейские гости принимали подарки от островитян, не подозревая, что тем самым обязуются оказывать взаимную помощь. Кто задерживался на острове достаточно долго, чтобы это узнать, обычно чувствовал себя обманутым и обвинял туземцев в корысти и хитрости. На самом деле полинезийцы не были ни добрыми ангелами, ни расчетливыми дельцами — просто они включали приезжих в свою систему обязательных подарков, которую можно сопоставить с кассой взаимопомощи.

Гостеприимство тоже не было альтруистическим. Скорее, все дело в том, что полинезийцы много путешествовали, и гостиниц в нашем смысле слова у них не было. Так что и тут они думали прежде всего о взаимной пользе.

Когда по полинезийскому обычаю островитяне вручают подарок заезжему туристу или яхтсмену, они, как правило, остаются в дураках. Чаще всего гости говорят спасибо и

отправляются дальше. Или же, заключив, что речь идет о меновой торговле, начинают торг, а это воспринимается как кровное оскорбление.

Характерная черта полинезийского хозяйства — его статичность, неизменность. Новые потребности не создавались, многие природные ресурсы пребывали неиспользованными, из поколения в поколение применялись одни и те же орудия и приемы. Всех устраивал достигнутый уровень, если же он из-за перенаселенности оказывался под угрозой, проблема решалась не увеличением продуктивности, а детоубийством и эмиграцией. Социальное неравенство существовало и в Полинезии, однако бедных, безработных или нуждающихся не было. Копить что-то для себя лично и по сей день считается отвратительным пороком, большим почетом пользуется тот, кто раздал все свое имущество. Так как хозяйство полинезийцев основано на групповой солидарности и взаимной помощи, мы, европейцы, кажемся им эгоистами и скупердяями. Вероятно, они правы.

Мало у кого было столько досуга, сколько у полинезийцев, и никто не использовал его лучше них. Немалая часть дня отводилась танцам, песням, играм, спорту. В развлечениях они были неустойчивы и очень подвижны. Широко распространен взгляд, что полинезийцы ленивы, и это, пожалуй, верно, если мерять европейской меркой. Особенно, если требовать от них, чтобы они работали поодиночке и в строго установленные часы. Полинезийский метод признает только естественный трудовой ритм, но это вовсе не значит, что они изнежены и не способны, когда надо, работать настойчиво и с большой отдачей.

Полинезийцев называли людьми каменного века. Это правильно в том смысле, что они не знали металла. Но каменных орудий и других предметов было совсем мало по сравнению с тем, что делалось из других материалов — кости (выше всего ценилась человеческая кость), дерева, черепаховых панцирей, раковин.

Особенно тщательно строили лодки и дома, и по ним можно судить о вкусе и мастерстве строителей. Полинезийская лодка — нередко настоящий корабль, способный взять до ста человек и совершать тысячекилометровые плавания. Гвоздей не знали, поэтому доски сшивали веревками, просверлив отверстия вдоль края. Крыши домов делали из листьев пандануса или пальмы, роль стен играли сплетенные из пальмовых листьев кулисы, земляной пол посыпался коралловым песком.

У полинезийцев не было глиняных мисок и кувшинов (не говоря уже о металлической посуде), поэтому здесь пищу не варили, а жарили или пекли в земляной печи, то есть в яме с раскаленными камнями, которую накрывали листьями

и засыпали песком. Чтобы нагреть воду, клали раскаленные камни в бамбуковый сосуд. Впрочем, горячие напитки тогда, наверно, были так же мало популярны в тропиках, как и теперь.

Для работы у мужчин были каменные топоры, костяные орудия, лопаты из раковин и палки-копалки, для рыбной ловли — крючки из раковин или кости. Оружие составляли копья, палицы и пращи. Как ни странно, полинезийцы не знали колеса. А так как тягловых животных не было, приходилось все грузы носить на спине или перевозить на лодках.

Одежда в старину делалась не из ткани, а из тапы или пальмовых листьев. Тапу изотавливали из луба бумажной шелковицы. Его вымачивали и разрезали на полосы, которые потом соединяли вместе за счет связующего вещества, содержащегося в самом лубе. Конечно, такая одежда прочностью не отличалась. Зато делать ее было легко, и у каждой семьи всегда лежало в запасе несколько рулонов тапы. В Новой Зеландии, где из-за холодного климата бумажная шелковица не росла, тапу заменили собачьи шкуры и плетеный материал из местного льна.

Простота техники еще не значит, что уровень культуры в целом низок — вспомним Древнюю Грецию. Другой отличный пример — Полинезия. «Хотя материальная культура Полинезии была проста, в социальной, политической и религиозной области развитие тамного превзошло то, что можно было ожидать от народа каменного века», — говорит один из лучших знатоков Океании Кеннет Эмори. — Замечательные достижения полинезийцев: утонченный этикет, поэтический образный язык и философские мифы о творении, политическая мудрость вождей, искусство строителей лодок и мореплавателей, целенаправленное идолопоклонство и некоторые, оставшиеся после них каменные монументы, — все это как будто создано более высокой цивилизацией».

Из наук полинезийцы больше всего интересовались астрономией и историей, и в этих двух областях познания их были поразительны. Они знали сотни звезд и с помощью небесной карты умели без компаса прокладывать курс в своих плаваниях. Фазы Солнца и Луны были ими тщательно изучены, они точно знали, когда надо ждать перемены погоды, как меняются ветры с временами года. А интерес к прошлому на многих островах был так велик, что имелись особые школы, хочется даже сказать — университеты, куда вожди направляли своих сыновей. Поскольку у полинезийцев не было письменности, все приходилось учить наизусть, и, чтобы избежать ошибок, преподавали одновременно три учителя, которые проверяли друг друга. Для развития памяти полинезийские историки повторяли вслух все предания и генеалогии. Этот

способ давал удивительные результаты. Достаточно назвать предание о Коропанге — таитянском вожде и мореплавателе, который жил около тысячи лет назад. На Таити, Гавайях, Нукухиве, Мангареве и Новой Зеландии старики-ученые независимо друг от друга рассказывали европейцам про Коропангу, и, хотя перечисленные острова лежат в разных концах Полинезии, эти рассказы во всем основном совпадают.

В области искусства полинезийцы особенно преуспели в музыке, пении и танце. Назовем также резчиков по дереву, скульпторов и татуировщиков; все они пользовались большим почетом и получали за свою работу щедрые дары.

Общественный строй в Полинезии был почти таким же сложным, как этикет¹. Трудно удержаться от иронической улыбки, как подумаешь, что ученики Руссо считали таитянское общество истинно демократическим, и, критикуя несправедливый строй и классовые различия в Европе, ссылались на Полинезию как на идеал. На самом деле в мировой истории трудно найти другой народ с таким аристократическим строем, какой был у полинезийцев. Разница между классами была настолько велика, что напрашивается сравнение с кастами Индии.

Правящий класс (арики, арии, алии) всюду, кроме Самоа, где вождь избирали, составляла родовая аристократия. В Новой Зеландии, на атоллах Туамоту и некоторых других островах считалось, что властители и подданные происходят из одного рода, и теоретически все могли претендовать на участие в правлении. Но на практике власть всегда оставалась в руках определенных семейств, наделенных особыми привилегиями. На остальных островах знать и простолюдины не состояли в родстве и считались разной кровью. Наименьшей властью и привилегиями обладала знать на Маркизских островах, наибольшей — на Таити и Гавайском архипелаге, где вожди были самодержцами и с презрением смотрели на менее знатных соплеменников.

Политическая власть, как правило, переходила от отца к первенцу в наиболее знатном роду. Какой из многочисленных родов самый знатный и кто всех знатнее в роду, определялось степенью родства с общим пращуром. Понятно, что полинезийские аристократы очень внимательно следили за своим генеалогическим деревом и охотно заучивали наизусть генеалогии, насчитывавшие двадцать-тридцать поколений. Большинство полинезийцев по сей день великолепно знают всех своих предков.

Классов на большинстве островов было два — знать и

простолюдины, но на Таити, Тонга и Гавайских островах был еще средний класс, который, пожалуй, лучше называть промежуточным, чтобы избежать неоправданных ассоциаций. Вне классов находились рабы, обычно военнопленные. Правда, рабов держали только в Новой Зеландии, на некоторых из островов Кука и на Мангареве, да и то очень мало.

Один знатный таитянин сравнил старый строй с лодкой. Корпус лодки — народ, мачта — вождь, промежуточный класс — ванты и штаги, а родня вождя — противовес, придающий устойчивость лодке. Это сравнение, хоть и служит хорошим примером полинезийской аллегии, к сожалению, ложно, ведь отношения между классами, скорее, наводят на мысль о римской галере. Земля принадлежала ариям, а низший класс — самые настоящие батраки — выполнял всю черную работу под присмотром надзирателей и должен был безвозмездно отдавать вождям немалую долю урожая.

Словом, произвол и гнет со стороны знати налицо, и все-таки считать всех полинезийцев-властителей жестокими деспотами было бы так же неверно, как изображать их добренькими патриархами. Не будем забывать, что вожди нуждались в простолюдинах для военной службы и всяких работ, поэтому в их же интересах было хорошо обращаться со своими подданными. Хотя власть была наследственной и всегда оставалась в руках аристократии, на нее можно было повлиять. Известно немало примеров, когда угнетателя свергали и заменяли более популярным представителем того же рода.

Политика, войны, развлечения — вот перечень того, что занимало вождь. Многочисленные мелкие группировки и племена часто враждовали и готовы были воевать даже из-за пустяков. Поэтому вожди всячески старались создавать и укреплять политические союзы и постоянно были заняты подготовкой к тому или иному походу. Печально знакомая картина... Однако войны полинезийцев по меньшей мере в двух отношениях существенно отличались от наших «цивилизованных» войн: в Полинезии не знали захватнических походов и сражались в общем-то по-рыцарски.

Мысль о том, чтобы завоевать соседнюю область и присоединить ее к своей, была чужда полинезийцам. Обычно они довольствовались тем, что обращали врага в бегство и разоряли его дома. Битвы, будь то сухопутные или морские, напоминали шахматный матч; обе стороны всегда были готовы дать противнику время и возможность сделать интересный ответный ход. Случалось, что осаждающие снабжали осажденных водой и продовольствием, чтобы те могли собраться с силами и достойно постоять за себя. В Новой Зеландии, на Маркизских островах, Раротонге, Туамоту и Мангареве

¹ Об общественном строе полинезийцев доколониального периода см.: Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., Изд-во АН СССР, 1956, — *Ред.*

после боя побеждали убитых врагов, но только на двух первых архипелагах человеческое мясо по-настоящему ценилось.

Хотя у вождей всегда были соперники, которых требовалось перехитрить, и всегда находились причины для военных вылазок, можно спокойно утверждать, что главной заботой оставалось, как лучше развлечься. Самые могущественные владыки держали придворных музыкантов, поэтов, танцоров и шутов, и один праздник следовал за другим. Иногда для разнообразия весь двор отправлялся обозревать королевство и основательно опустошал кладовки подданных. Примерно так, как это делали шведские дворяне, пока добрый король Магнус не замкнул от них крестьянские амбары.

Разумеется, знать не сохранила бы долго своих привилегий, если бы не мощная поддержка религии. По полинезийской мифологии все вожди происходили от богов и, следовательно, считались священными, неприкосновенными. Нам тут не приходится особенно удивляться: давно ли нами правили короли «божьей милостью»? Классовая система вполне отвечала божественному порядку; на полинезийских небесах было два отделения; одно — роскошное, изысканное — для знати, второе — попроще — для простолюдинов. Правителям место в раю было заведомо обеспечено, что же до подданных, то они могли туда попасть только в награду за хорошее поведение, то есть за преданность и покорность вождям.

Чтобы не возникли какие-нибудь лжеучения, вожди либо сами выступали в роли жрецов, либо назначали священниками и профессорами теологии своих родственников. Исключение составлял только архипелаг Самоа, где религия была слабо развита и отсутствовали классы; два обстоятельства, которые, несомненно, как-то связаны между собой. Если же кто-то из подданных все равно проявлял бунтарский дух, у вождя был ловкий и благочестивый способ обезвредить его. Дело в том, что полинезийские боги требовали жертвоприношений, причем на многих островах человеческих. И для набожного вождя проще простого было избавиться от смутьяна, принеся его в жертву богам. Известно много случаев, когда на долю оппозиционно настроенных родов выпадала сомнительная честь служить своего рода поставщиками королевского двора.

Впрочем, большая религиозность не мешала полинезийцам оставаться людьми практичными и деловыми. Если какой-нибудь бог не отзывался на их упорные молитвы, они обращались к другому. Кому-то это покажется предсудительным, однако так ли уж велика разница между полинезийцем, меняющим бога, но не веру, и европейцем, который переходит в другую веру, сохраняя того же бога?..

Из множества богов, которым поклонялись в разных случаях, лишь три пользовались широким признанием: морской бог Тангароа, бог мужской силы Тана и бог войны Ту. Красноречивый подбор, так что формула: «Скажи мне, кто твои боги, и я скажу, кто ты», вполне применима к Полинезии.

Полинезийские боги требовали строгого соблюдения табу и регулярных жертвоприношений. Зато их меньше всего занимало, как люди относятся друг к другу. И поскольку не было ни законов, ни судей, ни полиции, ни тюрем, естественно подумать, что в Полинезии царила полная анархия. Ничего подобного! На самом деле господствовал строжайший порядок, основывающийся на множестве детальных правил. Конечно, что дозволялось вождю, частенько запрещалось подданным, но в целом правила соблюдались гораздо строже, чем у нас. Столь суровая дисциплина объяснялась тем, что в маленьких полинезийских общинах особую роль приобретало общественное мнение. Всеобщее осуждение в Полинезии было тяжелейшей карой, а уйти в другую область или на другой остров обычно не представлялось возможным из-за вражды между племенами. Так что вести себя достойно было вопросом жизни.

Быт и семья в Полинезии

Группа этнологов и социологов при Йельском университете собрала в последние десятилетия интересный материал. Исследователи прочли все, что написано о сотнях народов, представляющих разные части света и культурные стадии, и выписали наличные данные на карточки. Изучение великолепной картотеки, насчитывающей около миллиона карточек, показывает, что из 118 народов, по которым есть подробные сведения о взаимоотношениях полов, только два своими пуританскими взглядами приближаются к нам, жителям Запада. Остальные 115, и в том числе, конечно, полинезийцы, смотрят на вопрос пола иначе.

При этом полинезийцам вовсе неведом преувеличенный и нездоровый интерес к сексу. «Широко распространенное представление, будто туземцы — рабы своих страстей, совершенно неверно. Они куда уравновешеннее нас», — заметил в одной из своих лекций профессор Эмори, и его слова целиком совпадают с моими наблюдениями. Хэнди, один из лучших знатоков полинезийской культуры, говорит о записанных им на Маркизских островах многочисленных преданиях и рассказах, что, хотя секс занимает в них большое место, «нет ничего похожего на смакование эротических деталей, присущее фольклору более цивилизованных народов».

Обвинять полинезийцев в аморальности, исходя из наших

христианских норм, разумеется, так же нелепо, как осуждать нас за то, что мы не соблюдаем полинезийских табу. Простая справедливость требует, чтобы мы, судя о поведении народа, основывались на его нравственных нормах. Тогда если сравнить, как полинезийцы до прихода европейцев соблюдали свои правила и насколько верны своей морали мы, стыдиться придется нам... И послушайте, как толкуют о сексе в шведской казарме и в полинезийской деревне... Это небо и земля.

Так как в Полинезии царит вечное лето, люди там (кроме маори в холодной Новой Зеландии), естественно, одевались легче нас. Подростки и мужчины обычно выходили на работу в лубяной набедренной повязке не больше наших плавок; девушки и женщины носили лубяные юбочки 'до колена. Когда становилось прохладно, мужчины и женщины надевали своего рода плащ, который либо завязывался на плече, вроде римской тоги, либо имел отверстие для головы, подобно южноамериканскому пончо. Знаменитые юбки из растительного волокна, которые мы считаем типичными для Океании, широко употреблялись на Самоа и на коралловых островах, где скудная почва не позволяла выращивать бумажную шелковицу. На остальных островах юбочки из волокна надевали только во время танцев. После работы и в праздники мужчины и женщины надевали передники до колена. Такая одежда для досуга и теперь самая распространенная в Океании, только делают ее из привозной хлопчатобумажной ткани. Кстати, ею пользуются и европейцы; вы можете увидеть пожилого мужчину с животиком, который расхаживает в саду под пальмами в одной лишь цветастой набедренной повязке.

К частям женского тела, которые у полинезийцев полагалось закрывать, не относилась грудь, поэтому она мало привлекала внимание мужчин. Зато полная нагота считалась неприличной. Казалось бы, это плохо согласуется с восторженными описаниями полинезийских русалок, танцев в обнаженном виде, которые можно найти в заметках первых европейских путешественников. Но противоречие только видимое, и его легко объяснить. Что касается обнаженных наяд, то в Полинезии для женщин пользоваться лодками считалось табу. Поэтому они могли добираться до кораблей только вплавь, а лубяная одежда размокала в воде, как промокательная бумага. Вот почему ее либо снимали, прежде чем войти в волны, либо теряли по пути. Большинство женщин предпочли бы остаться на берегу, однако моряки соблазняли их такими восхитительными дарами, как ситец, зеркало и бусы. И кое-кто преступал моральный запрет; но ведь такие прегрешения известны и в других частях света.

К тому же полинезийские женщины старались при первой возможности прикрыть свою наготу.

Говоря об отношениях между мужчиной и женщиной, надо раньше всего отметить, что нас отличает от полинезийцев и большинства других народов неисправимо романтический подход. Под романтической любовью я понимаю господствующее на Западе мнение, будто мужчину и женщину влекут друг к другу не столько общие интересы, сходные взгляды на жизнь, физические качества, обоюдное восхищение и другие реальные факторы, сколько некое таинственное чувство — любовь, существующая независимо от всего прочего. Эта Любовь с большой буквы представляет собой не сумму положительных и притягательных качеств, а особую силу, этаким неведомый Икс. Уравнение чувств решению не поддается, и выяснить, что это за Икс, невозможно, тем не менее сия таинственная любовь считается необходимой, ее даже называют основой и предпосылкой для совместной жизни мужчины и женщины. И если любовь вдруг исчезнет так же быстро, как появилась, все пропало. Другими словами, любовь у нас превратилась в сверхъестественную силу вроде святого духа, и даже те, кто рьяно отрицает существование последнего, признают первую.

Речь явно идет о массовом психозе, и у Линтона¹ можно найти меткое сравнение: «Герой современного американского фильма — всегда романтический любовник, подобно тому как в древних арабских повестях герой всегда эпилептик. Какой-нибудь циник мог бы предположить, что в данной группе рядовых людей число индивидуумов, способных на романтическую любовь голливудского типа, приблизительно равно числу лиц, способных достоверно изобразить эпилептический припадок. Ведь при некоторой общественной поддержке можно вполне удовлетворительно имитировать обоих героев, не чувствуя при этом, что ты играешь заученную роль».

Журналы, романы, стихи, фильмы, эстрадные песни так часто и горячо воспевают романтическую любовь, что большинство из нас твердо верит в ее существование. На самом деле эта хитроумная конструкция, это столь же типичное для Запада изобретение, как бензиновый мотор, самолет, телефон и атомная бомба, появилось совсем недавно. Каких-нибудь несколько сот лет назад в Европе о ней знали так же мало, как по сей день знают первобытные народы.

Согласно нашему романтическому идеалу каждый должен стремиться найти «правильного» партнера, подразумевая нечто совершенно уникальное. Такой взгляд чужд полинезийцам; у них мужчина и женщина были бы чрезвычайно удивлены, если бы оказалось, что какое-то лицо противопо-

¹ Ральф Линтон (1893—1953) — крупный американский этнограф, представитель «этнопсихологического» направления. — *Ред.*

ложного пола не подходит им в качестве супруга или любовника. Понять это легче, если вспомнить, как походили друг на друга члены маленьких полинезийских племенных групп. Мы раздроблены на множество сект, партий, профессиональных группировок и добровольных объединений. У нас разные идеалы, разный образ жизни, а в Полинезии знали только одну веру и, несмотря на классовые различия, одну жизненную цель. Поэтому индивидуальности стиралась даже внешне, так как все носили одинаковую одежду. Не было причин отдавать предпочтение какой-то одной женщине, одному мужчине.

Кроме того, появиться романтической любви мешала известная черствость, основа которой закладывалась очень рано. Полинезийская семья включала не только родителей и детей, ее составляли и многие другие родственники всех возрастов, так что полинезиец с малых лет привыкал делить свою привязанность между гораздо большим числом людей, чем мы. А повседневный контакт с другими семьями и взаимная зависимость приводили к тому, что почти с одинаковой симпатией относились ко всем соплеменникам. Естественно, чем больше близких людей, тем меньше чувства приходится на каждого в отдельности, вот почему глубокая привязанность не свойственна полинезийцам.

В обществе, где царило духовное единообразие и чувства играли подчиненную роль, в мужчине и женщине больше всего ценили физические качества, особенно красоту и сексуальный опыт. Конечно, и другие достоинства — доброта, трудолюбие, заботливость — тоже играли роль при выборе супруга, но не они стояли на первом месте.

Своим преклонением перед красотой полинезийцы напоминают или даже превосходят древних греков. Легенды часто рассказывают об отважных мореплавателях, которые совершают опасные плавания на далекие острова, чтобы завоевать ту или иную знаменитую красавицу.

Как полинезийцы ценили телесную красоту, видно хотя бы из того, что на Тонга красивому мужчине приписывали божественную силу — мана. Такой «маная» пользовался большим почетом.

В ряде черт, которыми определялась красота, важное место занимала белая кожа. Такое отношение смуглых людей к белой коже, вероятно, объяснялось тем, что виднейшие вожди были потомками светлокожей этнической группы, пришедшей в Полинезию в давние времена. Действительно, многие вожди отличались более светлой кожей, чем их подданные, об этом убедительно свидетельствует обширный материал, собранный Туром Хейердалом в его монументальной монографии о происхождении полинезийцев. «Белым, как

ядро кокосового ореха, должен быть тот мужчина, который хочет получить ее руку», — говорит одна знаменитая красавица в маркизской легенде. Благоговейное отношение к белой коже и по сей день характерно для Полинезии.

Но не только в этом полинезийское представление о красоте сильно отличалось от нашего. Тучность — вот главное качество, без которого мужчина или женщина не могли считаться совершенными. Чем тучнее, тем лучше. В знатных семьях детей нередко откармливали и «отбеливали» в темных помещениях.

С присущим им оптимизмом полинезийцы старались улучшить внешность и другими способами. Хэнди сообщает про Гавайские острова, что там «детей обрабатывали как пластичный материал, лицо и тело моделировали подобно тому, как ваятель моделирует глину». Этнолог Питер Бак (Те Ранги Хироа), сам наполовину маори, рассказывает, как в его молодости «шлифовали» малюток в Новой Зеландии: «В детстве старались придать телу формы, отвечающие идеалу красоты. Применялся различный массаж: гладили и мяли пальцами мышцы (ромирами), массировали ногами позвоночник (такахи), вытягивали ноги (тото). Помню, мать, одобрительно глядя на мои ноги, говорила: «Это мои руки сделали их такими». Один из советов матерям гласит: «Вытяни ноги своей дочери, чтобы она могла изящно пройти по деревенской площади перед народом».

Самым типичным средством полинезийской косметики была, разумеется, татуировка. Кстати, термин происходит от полинезийского слова, которое первыми переняли англичане. Для мужчин она считалась важнее, чем для женщин, поэтому мужчины, как правило, щеголяли более обильными и красивыми узорами. На Самоа и Тонга татуировали только ноги и руки; на большинстве других островов грудь и спина тоже украшались изображениями растений и животных, геометрическими орнаментами. Особенно развилась эта мода в Новой Зеландии и на Маркизских островах, где мужчины татуировались с головы до ног, причем постоянно обновляли узоры. На Маркизах, чьи жители, подобно американцам наших дней, во всем старались перещеголять других, татуировали даже язык. А маорийки решили, что природный красный цвет нехорош для губ, и подсинивали их.

Татуировка — болезненная процедура, зато ее хватало на всю жизнь. А копоть жирок и «отбеливаться» приходилось снова и снова, чтобы результат не пропал. Как правило, только аристократы могли позволить себе роскошь тратить время на такую косметику. Простолюдины должны были кормить себя (и аристократов) рыбной ловлей и работой в поле, что делало их, увы, стройными и загорелыми...

Наряду с красотой островитяне выше всего ценили лю-

бовь. Реалистический взгляд полинезийца на любовь может показаться животным и прозаичным. На самом деле полинезийцы часто проявляют удивительный такт, благородство и нежность, а их обороты речи очень поэтичны. «В описании любви полинезийцы весьма склонны к образам, — отмечал Биглхол. — Поэт говорит о солнце, луне, облаках и других явлениях природы, но слушатели понимают, что подразумевается. В песнях... возлюбленных называют бабочками, птицами, каплями росы, кокосовыми орехами, горами, благоухающими цветочными гирляндами. Мужчину сравнивают с солнцем, с жердью, которой достают плоды, с пассатом, с кометой. Женщина — блестящий лист, морская раковина, венок из плодов пандануса, пояс из благоухающих цветов, жемчужница, красивый спелый плод хлебного дерева, качающийся цветок, раскрывающийся бутон».

Дети и взрослые

Естественно, народ с таким взглядом на любовь не подавлял природных инстинктов молодежи; родители даже поощряли своих детей свободно экспериментировать. Полинезийцы и в этом смысле считали детство и юность подготовительными ступенями. Они полагали, что к браку надо готовиться всесторонне и основательно.

Полинезийские дети пользовались на редкость большой свободой. Отчасти это объясняется простыми условиями жизни. Не было роскошной мебели и дорогой одежды, которую следовало беречь, не было трамваев, машин и прочих опасностей, которых надлежало остерегаться, поэтому многие наши запреты здесь просто отпадали. Нередко отсутствие нажима объяснялось еще и религиозным воззрением, будто дети наделены большей силой мана, чем родители. Вот почему даже к малышам обращались за советом, и они подчас сами решали важные вопросы.

Уже в десять лет ребяташки (во всяком случае, прежде) были вполне самостоятельными. Случалось, они по многим дням проводили вне дома, и за них никто не боялся. Голод им не угрожал — наловят рыбы или соберут плоды и корнеплодов на ближайшем огороде, кров был обеспечен в любом доме, да на худой конец можно было спать под пальмами, если не очень бояться привидений. Нужна помощь или защита — всегда поблизости находился какой-нибудь родственник, ведь полинезийские королевства были не больше шведского уезда, и узы родства объединяли чуть не всю общину.

Конечно, с молодежи спрашивалось не только умение танцевать, петь и любить. Правда, общеобразовательных школ с твердым расписанием не было, учение заключалось

в том, что мальчики и девочки подражали и помогали родителям, и все-таки юные годы были настоящими годами обучения и подготовки. Полинезийцы не обращали внимания, кому сколько лет, и развитие детей не следовало какой-то стандартной программе, на них не нажимали. Не было и знакомого нам явления, когда юность продлевается за счет долгого профессионального обучения. Каждый мальчик, каждая девочка жили своим индивидуальным ритмом, становясь взрослыми в свой срок.

Достигнув зрелости, они сразу вступали в брак. Кстати, разведенные, вдовы и вдовцы тоже редко оставались одинокими. Это поголовное стремление к браку может показаться странным в обществе, где юность была столь приятной и вольной, но жениться и выходить замуж полинезийцев побуждали веские практические причины. Здесь, как у всяких первобытных народов с примитивной техникой и простыми способами добывания средств к жизни, семья выполняла важную экономическую роль; женатым легче было обеспечить свое существование.

В Полинезии браки обставлялись многочисленными, во многом совсем не похожими на наши правилами, которые подробно обусловливали:

1. С какими родственниками запрещались браки.
2. Из какого племени и класса разрешалось брать партнера.
3. Кто решал, когда и в каких случаях мог состояться брак.
4. Как должно проходить сватовство.
5. Как должно проходить венчание.
6. Права и обязанности супругов.
7. Когда и как расторгался брак.

Так как полинезийцы в общем пользовались гораздо большей свободой в браке, чем мы, напрашивается вывод, что они были невзыскательны в выборе спутника жизни. Однако в Полинезии запрет на браки охватывал куда более широкий круг родственников, чем в большинстве европейских стран.

В старину на всех островах жило гораздо больше людей, поэтому молодым не надо было искать себе жену или мужа в других местах. Вообще полинезийцы придали важное значение родственным узам, и если кто-то покидал свой остров или свою область и поселялся на земле чужого племени, его там воспринимали как иностранца. Исключение составляли политические браки, когда вождь выдавал свою дочь замуж за наследника или вождя соседнего племени.

Брак между людьми из разных классов считался почти преступлением, и, если вождь вопреки запрету женился на женщине из народа, его могли даже заставить отречься от

престола. Только внутри своего класса менее знатное происхождение могло уравниваться личными достоинствами, особенно красотой и половым опытом; это нередко помогало женщинам подняться чуть выше по общественной лестнице.

Чтобы избежать мезальянсов, вопрос: когда и с кем вступать в брак решался родителями. Особенно важно было соблюдать это правило правящим родом, иначе сын или дочь, поддавшись чувствам, могли разрушить важные политические союзы и родовые связи. Чем выше общественное положение родителей, тем больше родственников приглашалось на совет. И когда предстояло жениться наследнику какого-нибудь очень видного вождя, вопрос этот обсуждался на многолюдном собрании, которое продолжалось несколько дней.

Может удивить, что молодые позволяли обращаться с собой, как с фигурами в политической шахматной игре или как с товаром в межродовом обмене. Но отсутствие романтического взгляда на любовь плюс слабо развитый индивидуализм, несомненно, облачали согласие на устроенный родителями брак. При таком устройстве общества, как в Полинезии, мнение, что можно при желании поладить с кем угодно, выглядит не таким уж странным. Во всяком случае, вряд ли из-за этого в Полинезии было больше несчастливых браков, чем у нас.

Как мало родители считались с чувствами детей, видно по обычаю правящей знати обручать сына или дочь в совсем юном возрасте, когда спрашивать обручаемых все равно бессмысленно.

Если юноша или девушка вдруг отказывались повиноваться, родители прибегали к принуждению, подчас жестокому. Особенно строго было с этим в Новой Зеландии. Один европеец записал в начале XIX в., что дочь главного вождя в области Бэй-оф-Айлендс, отвергнувшая избранника родителей, много лет держалась взаперти «в постройке, которая больше всегда напоминала голубятню... Размеры помещения не позволяли ей ни встать во весь рост, ни лечь навтыжку. Еду ей подавали в корыте».

Среди низших классов, где происхождение, общественный ранг и политика обычно не играли роли, молодежь была гораздо свободнее в выборе спутника жизни, но и то требовалось согласие отца и матери.

Так как решающее слово принадлежало родителям, жених просил руки избранницы не у нее, а у них. Обычно он (разумеется, с согласия своих родителей) приходил в дом девушки с подарком — рыбой, жареным поросенком или пачданусовыми цинковками — и прямо говорил, в чем дело, подчеркивая вытекающие из брака практические выгоды и социальный престиж. Родители девушки либо советовались с

ней, либо сразу отвечали за нее. Можно было также послать сватами своих родителей, деда, бабушку или друзей. А сыновья знатных вождей даже прибегали к помощи особых посланников, которые излагали дело красноречиво, блистая дипломатическими манерами. Девушка вполне могла сама просить руки юноши, но считалось приличнее, чтобы она посылала своих родителей.

Так как в низших классах не знали никакого ритуала венчания, многие утверждают, что в Полинезии не было брака в подлинном смысле слова. Ведь у нас «настоящим» браком признается только контракт западного образца, заверенный гражданским или церковным должностным лицом. Невольно вспоминается рассказ про старушку, которая, послушав оживленный обмен мнениями между двумя иностранцами, от души воскликнула: «Слава богу, что я по-людски говорю!». Чтобы сравнивать Полинезию и Европу, нужен какой-то общий знаменатель, а им может служить общественное одобрение, во всех культурах отличающее брачное от всякого иного сожителства мужчины и женщины.

Жилищный вопрос решался с завидной легкостью — молодые поселялись у родителей, чаще всего у родителей мужа. Это не только упрощало экономические проблемы, но и помогало быстрее освоиться. Войти в большую семью с многочисленными тетушками, двоюродными сестрами, бабушками и прочими родичами, которые могли и последить за детьми, и еще чем-то помочь, было немалым преимуществом. Лишь когда в семье становилось тесно от женатых пар, кто-нибудь строил дом, но и то поблизости от родителей. Узы родства отличались прочностью: даже те, кто после брака переходил в другую семью, были привязаны к братьям, сестрам и своим родителям сильнее, чем к жене или мужу. А так как до самого далекого из домов племени можно было дойти за несколько часов, ничто не мешало членам рода поддерживать взаимную связь.

Из многочисленных запретов и заповедей, регулирующих полинезийский брак, назову здесь касающиеся интимной стороны. В нашем обществе, как известно, идеалом провозглашена безусловная верность и всякие внебрачные связи при всех обстоятельствах считаются предосудительными. У полинезийцев тоже верность была идеалом, но они шире смотрели на вещи и допускали исключения. Как обычно правители пользовались большей свободой, чем подданные, но три вида внебрачных связей разрешались во всех классах:

1. Между женатым мужчиной и его свояченицами, между замужней женщиной и ее деверями.

2. Между женатым мужчиной и женой и свояченицами его побратима, между замужней женщиной и побратимом мужа и братьями побратима.

3. Между замужней женщиной и гостем по усмотрению мужа.

В известных случаях жене не только позволялась, но даже вменялась в долг близость с чужим мужчиной. Полинезийцы считали долгую разлуку супругов невозможной и неуместной, поэтому обе стороны могли себе позволить временные связи, не боясь угрызений совести и общественного осуждения. А так как дальние плаванья и военные экспедиции совершали только мужчины, условия для женщин и мужчин несколько различались.

Помимо названных, все внебрачные связи строго запрещались и от обеих сторон требовалась супружеская верность. Впрочем, было еще одно, типично полинезийское исключение. Наиболее видные вожди могли себе позволить любовные похождения в меру своего могущества и дипломатических способностей. Зато жены вождей подчинялись тем же требованиям, что и простолюдины. На некоторых островах вожди, отправляясь к другим красоткам, приставляли к женам сторожей. Лишь в единичных случаях, преимущественно на Таити и Гавайских островах, энергичные и самостоятельные женщины из знати добивались для себя таких же привилегий, какими пользовались их мужья.

За вождями признавалось право на временные связи со всеми незамужними женщинами племени, и эта традиция настолько укоренилась, что родители из низших классов почитали для себя большой честью, если правитель соблазнял их дочь. Когда вождь оказывал такую же милость замужней женщине низкого происхождения, муж этим гордился. Но если роли менялись и замужняя аристократка вступала в связь с простолюдином, это считалось серьезным преступлением.

У нас брак нередко сравнивают с кандалами, и сравнение в чем-то оправдано. В Полинезии в большинстве случаев развестись было чрезвычайно просто. Причиной развода, как и у нас, чаще всего были неверность и жестокое обращение. Но, кроме того, вполне естественно и позволительно было разойтись просто потому, что супруги не подходили друг другу. Никакой статистики разводов в старое время, конечно, не велось. Поэтому уверенно можно лишь сказать, что у знати разводы были редкостью, так как в аристократической среде браки заключались прежде всего из политических или социальных соображений. Но логика подсказывает, что и в низших классах разводы не могли быть такими уж частыми. Правила внебрачных связей отличались достаточной гибкостью, и в большинстве случаев не было смысла идти на расторжение брака.

Полинезийский развод не требовал никаких формальностей. Практические и экономические проблемы разрешались

просто: муж или жена — смотря по тому, в чьей семье жили супруги, — возвращались к своим родителям. Имущество детей, детей тоже, причем жена обычно забирала девочек и грудных младенцев, мужчина — мальчиков постарше. Быть разведенным отнюдь не считалось позорным.

Как уже говорилось, полинезийцы считали брак необходимым из практических и экономических соображений и не представляли себе, чтобы взрослый человек жил один. Поэтому не только разведенные, но и вдовы и вдовцы быстро вступали в новый брак. Полинезийский обычай требовал, чтобы вдова тотчас выходила замуж за одного из младших братьев покойного, особенно если у нее было много детей. Только так можно было сохранить детей в роду, с которым их связывали узы крови. И это не влекло за собой больших перемен для вдовы, ведь чаще всего она жила с деверем под одной крышей и уже имела с ним связь.

Как ни странно, из всех полинезийских брачных обычаев наибольшее внимание европейцев привлекло многоженство. Виновато стечение ряда случайных обстоятельств, а началось все с Льюиса Моргана, одного из самых колоритных представителей сравнительно молодой этнологической науки.

В своем труде «Древнее общество», изданном в 1877 г., Морган, в частности, подробно рассматривал эволюцию брака, пытаясь показать, что человек прошел разные ступени развития от беспорядочных связей до строгой моногамии западного образца. На первых порах никаких ограничений-де не было, все члены группы жили друг с другом без разбора. Второй этап Морган назвал стадией пуналуа, ссылаясь в подтверждение своих мыслей прежде всего на Гавайские острова¹.

Однако позже другие исследователи нашли у Моргана грубые ошибки. Главный порок его схемы заключается в том, что у нас нет логических оснований считать, будто все народы Земли непременно проходят один и тот же путь социального развития. В других науках окаменелости и археологический материал позволяют реконструировать историю. Мы, этнологи, ничем таким не располагаем, а потому, естественно, ничего не можем знать о брачных отношениях в

¹ Автор не совсем точно излагает известную концепцию истории семьи, разработанную Льюисом Генри Морганом. Морган различал древнейшую стадию «промискуитета», где, как он полагал, не было никаких ограничений в брачно-половых связях, и стадию «кровно-родственной семьи», когда было, по его мнению, введено первое ограничение: сожительство братьев с сестрами еще допускалось, но брачные связи между родителями и детьми были запрещены. Лишь на следующей стадии было введено, по Моргану, дальнейшее ограничение — запрет браков между родными братьями и сестрами, отсюда — «пуналуальная семья». См. Л. Г. Морган, *Древнее общество*, Л., 1934, стр. 300–302, и др. — Ред.

доисторические времена. Так что всякие попытки выстроить в ряд первобытные народы по степени «примитивности» их обычаев и строя произвольны.

Неверны подчас и факты, на которых основывал свою теорию Морган. Особенно несуразным выглядит его толкование так называемой семьи пуналуа как группового брака, в котором много мужчин и женщин состоят в связи между собой. Если уж быть точным, то слово «пуналуа» вообще обозначало не всю семью в целом, а только двух жен одного мужа. Пуна — исток, источник (незатейливое символическое обозначение женщины), луа — два.

Та полигамия, которая на самом деле существовала в Полинезии, лишней раз показывает, как плохо там обстояло дело и с сексуальной, и с политической демократией, ведь она, за редкими исключениями, имела место только среди аристократии. И еще одно, типично полинезийское ограничение: практически на всех островах полигамия была привилегией мужчин. Преобладал брак одного мужчины с несколькими женщинами, то есть полигиния; лишь на Маркизских островах предпочитали брак одной женщины с несколькими мужчинами, или полиандрию.

Слово «многоженство» обычно вызывает представление о восточном гареме с полуголыми танцовщицами, которых ревностно стерегут евнухи и чернокожие рабы с острыми саблями. Но такие гаремы известны только в арабских странах. И количество женщин в полигинных браках в Полинезии было мало уже потому, что мужчин насчитывалось примерно столько же, сколько женщин, и лишняя жена у одного означала, что другой должен был остаться вовсе без жены.

Благодаря тому, что полинезийцы так тщательно сохранили свои генеалогии, мы можем более или менее удовлетворительно определить размах многоженства у аристократии. Приведу для примера данные за несколько веков о числе жен у вождей на Рароа:

Вароа — 2	Вароа Каипани — 2	Тефау — 1
Вароа Тапу — 1	Теуруотики — 1	Вароа Тикароа — 5
Тапухоз — 1	Вароа Нуи — 3	Каоко — 3

В среднем 2,1 жены на одного вождя. Упоминаемые в генеалогии простолюдины редко имели больше одной жены.

На острове Мангаиа (архипелаг Кука) в роду Вара за пять поколений лишь около 20 процентов браков были полигинными. Сходные данные получены по другим островам.

Словом, трудно назвать другой полинезийский обычай, который был бы так неправильно истолкован на Западе, как многоженство. И это не удивительно, ведь наше внимание больше всего привлекали полигамные браки мормонов и восточных деспотов, являющиеся скорее исключением, чем правилом.

Маркизские острова и тут, как во многом другом, стояли особняком. Если в других частях Полинезии знали полигинию, то маркизцы явно предпочитали полиандрию — брак между одной женщиной и несколькими мужчинами. Это тем более странно, что полиандрия — крайне редкая форма брака во всем свете, тогда как около 80% народов допускают полигинию.

Мужчины и на Маркизских островах играли в обществе главенствующую роль; значит, должны были существовать особые причины, чтобы предпочесть полиандрию. Проще всего объяснить это избытком мужчин. Насколько велик был этот избыток, сказать трудно, потому что маркизцы не занимались переписью населения. Сведущие старики могут лишь сказать, что мужчин было «много больше», чем женщин. В литературе можно найти данные, будто соотношение составляло 2:1 или 3:1, но это чистейшие догадки. Первая более или менее достоверная перепись состоялась лет сто назад, тогда на сто женщин приходилось сто двадцать мужчин. Нет никаких оснований считать, что в доевропейское время разница была больше. Но и эта сравнительно незначительная диспропорция удивительна. Широко распространенный в Полинезии обычай убивать детей в многодетных семьях, особенно девочек, на Маркизские острова не распространялся. И в частых межплеменных усобицах, конечно, погибало больше мужчин, чем женщин, поэтому естественнее был бы избыток женского населения. На самом деле все обстояло наоборот, и никто до сих пор не смог убедительно объяснить почему.

Другая, пожалуй, более важная причина полиандрии — типичное для Полинезии соперничество из-за престижа, которое на Маркизских островах приобрело особую форму. Рельеф здесь более пересеченный, и маркизцам всегда приходилось выкладывать площадку из камня, чтобы построить дом. Постепенно началось соревнование, у кого платформа получится больше и красивее. И чтобы не отстать в этом соревновании, надо было иметь в семье много мужчин.

Хотя избыток мужчин и соперничество ради престижа (не говоря о ряде второстепенных причин) помогли возникнуть полиандрии, дело решило другое обстоятельство, а именно: в какой-то мере многомужество было известно и на других островах Полинезии, так что маркизскую полиандрию не назовешь таким уж уникальным явлением, каким она может показаться на первый взгляд. Напротив, она представляла собой развитие общеполинезийской тенденции.

Как и полигинные браки, маркизское многомужество наблюдалось главным образом среди правящих родов. Это хорошо согласуется с цифрой 120 мужчин на 100 женщин, означающей, что от силы 20% населения могло жить в по-

многом. На самом деле процент был еще ниже, потому что у некоторых женщин было три, даже четыре мужа. Но многомужество ни на других островах, ни здесь не прибавляло женщине власти. Главой семьи всегда был мужчина — лишнее свидетельство того, что, если у женщины в обществе подчиненное положение, это распространяется и на брак, какого бы вида он ни был. И остальные мужчины в семье подчинялись главному мужу. Он же, в силу более высокого общественного авторитета, считался отцом всех детей данной женщины. Участок под домом, то есть каменная платформа, переходил по наследству от отца к старшему сыну; лишь иногда, если у знатного вождя не было наследников мужского пола, участок мог перейти к дочери. Вот почему о маркизской полиандрии можно сказать, что семья состояла из мужчины, женатого на женщине, и нескольких других мужчин. Как видите, отклонение от обычной полинезийской полигамии не так уж велико.

Домашнее хозяйство

До сих пор был известен только один обзор положения женщины в Полинезии, составленный еще в 1778 г. (!) Его можно найти в интересной книге немецкого ученого И. Форстера¹, который в главе «О принципах, моральных идеях, нравах, изысканности и положении женщины в Океании» излагает итог своих наблюдений и исследований. По мнению Форстера, все обстояло превосходно, и главная заслуга в этом принадлежала женщине.

После Форстера, естественно, вышло множество более точных и подробных исследований полинезийской жизни. И теперь, пожалуй, пора сделать новую попытку, сведя воедино наличные данные, рассказать о роли, которую играла в обществе и дома полинезийская женщина.

Начнем с такой важной для полинезийцев сферы деятельности, как религия. Так как женщин — по религиозным мотивам — считали неполноценными существами, они не могли быть жрецами и участвовать в ритуалах. В Полинезии верили, что мир создан из плоти отца небес Атеа и матери земли Папы. Первую женщину сотворил сын богов Тики; слепил из земли и вдохнул в нее жизнь. А земля считалась пассивным, неполноценным элементом, поэтому и женщина попала в ту же категорию.

В какую незавидную компанию помещали женщину, видно из следующего сопоставления:

Высшая категория: Низшая категория:

Мужчины

Женщины

Небо

Земля

Свет

Тьма

Созидательное начало:

Пассивное начало:

Жизнь

Смерть

Восход

Заход

Правая сторона

Левая сторона

Все священное

Все мирское

Знание

Невежество

Как известно, сходные воззрения были не чужды многим отцам христианской церкви и сохранились кое-где в Европе по сей день. Не случайно из стран Запада самое низкое положение женщина занимает в Испании, где церковь (католическая) особенно сильна.

Обусловленное религией принижение женщины в Полинезии сказывалось во многих областях. Ничтожную роль играли полинезийки в политике, которая была тесно связана с религией. Правителями почти всегда были мужчины; женщинам обычно не дозволялось даже присутствовать на совете мужчин. Хотя в семье вождя первенец занимал главное место независимо от пола, редко дочь заступала на место отца. Как правило, ей приходилось довольствоваться почетом и громкими титулами, а правителем становился кто-нибудь из младших братьев. Только в исключительных случаях допускалось, чтобы женщина правила островом или областью, когда не было наследника мужского пола. Для этого ей надо было проявить выдающиеся командные способности. Женщины-правители брали на себя мужские роли. Но хотя они часто были грозными воинами и полководцами, им все равно не дозволялось участвовать в религиозных делах¹.

О взглядах знати можно судить по тому, как отмечали рождение сына и дочери. На большинстве островов появление на свет наследника приветствовалось фанфарами. Устраивали празднества; рождение наследницы встречали молча. На Самоа трубили в раковину, даже если у вождя рождалась дочь, однако наследника приветствовали пятью фанфарами, а наследницу — всего лишь тремя. Женщины из простонародья, естественно, совсем не имели политического

¹ Однако на островах Тонга при исчислении старшинства и знатности первенство придавалось женской линии перед мужской. Самый высокий общественный ранг там в старину занимала старшая сестра главного вождя (туи тонга), а также ее дочь. См. С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга («Сов. этнография», 1958, № 1). — Ред.

¹ Иоганн-Рейнгольд Форстер и его сын Георг Форстер — спутники капитана Кука в его втором плавании (1772—1775). — Ред.

веса, но эту несправедливость с ними делили и их мужья. Правда, хотя основная масса женщин не играла никакой роли в общественной жизни и не могла занимать видных постов, это еще не значит, что они не пользовались никаким влиянием. Даже полинезийки, наверно, умели исподволь направлять решения и действия мужчин. Причем у них это порой получалось очень хорошо.

Однако чтобы уяснить себе положение средней полинезийки, куда важнее ознакомиться с ее домашними обязанностями и трудовой нагрузкой, чем обсуждать ее возможности сделать политическую карьеру. При этом нет нужды разделять работницу и домашнюю хозяйку, ведь все женщины выходили замуж и все производство происходило на дому. А дома, как и в обществе в целом, отношения между полами во многом определялись религиозным взглядом на женщину как на существо нечистое и неполноценное; поэтому во всех важных делах решающее слово принадлежало мужчине (кроме тех редких случаев, когда жена была более знатного происхождения). Особые трудности возникали из-за того, что, по полинезийским представлениям, нечистота женщины была заразной, вроде оспы или скарлатины.

Полинезийцы чрезвычайно серьезно относились к своим табу, нарушать их считалось преступлением. Об этом много написано, и я ограничусь отрывком из одного описания жизни на Маркизских островах. «Предмет, через который переступили женщина или ребенок, не мог больше употребляться владельцем. Если к тому же предмет этот прежде помещался над головой мужчины, владельцу грозили серьезные неприятности, и дело можно было исправить только, убив нарушителя табу (женщину или ребенка). Такая же кара грозила женщине, если она поела из миски своего мужа. Болель, смерть, ранения, разгром на войне — все это объясняли нарушением табу».

Одно из самых обременительных последствий взгляда на женщину как на нечистое существо — запрет употреблять одну с мужчиной пищу и есть вместе с ним. В каждой семье у мужа и жены были отдельные помещения для приготовления и принятия пищи. И больше всего от этого запрета обычно страдала женщина. Если муж нечаянно (и только ли нечаянно) прикасался к тому, что предназначалось жене, она уже не могла это употреблять, а он мог. Наверно, всего обиднее был для женщин запрет на свинину, черепашие мясо, тунца, курицу и другие блюда, которые полагалось есть только мужчинам.

Но хотя табу давали много преимуществ сильному полу, жизнь полинезийской домашней хозяйки никак нельзя назвать трудной и тяжелой. Принято считать, что у первобытных народов женщина была рабыня, рабочая скотина. Есть

несколько угодно красочных описаний того, как мужчина тешился охотой и рыбной ловлей, а бедная женщина выматывает из себя жилы в поле и делает всю черную работу. Писали такое и про Полинезию. Возьмем, например, Кука: «Мужчины мало общаются с женщинами. Встав утром, они тотчас уходят в дом-табу и вместе с товарищами пьют там каву. Затем поедят или вздремнут и наконец спускаются к морю, чтобы поразвлечься, поплавать в заливе. Если улов скуден, глава семьи ест рыбу в доме-табу, предоставляя остальным перебиваться как сумеют. Если же улов хороший, он посылает домой рыбу со слугой. День проходит в беседах, диспутах, рассказывании историй и отдыхе».

Большинство подобных описаний порождены недооценкой трудностей охоты и рыбной ловли, а также понятной, но тем не менее нелепой, тенденцией все мерять западными мерками. На самом деле на всех островах Полинезии царилоредуманное разделение труда между полами.

Посмотрим, чем традиционно занимались мужчины и чем — женщины.

Мужчины	Женщины
Сажали	Ухаживали за посевами
Сеяли	Собирали кокосовые орехи
Ловили рыбу	Собирали моллюсков
Ловили птиц	Собирали яйца
Разводили огонь	Собирали топливо
Стряпали	Готовили пищу
Строили дома	Делали тапу
Строили лодки	Плели циновки
Делали орудия труда	Плели корзины
Резали домашнюю живность	Присматривали за домашними животными

Видно, что в Полинезии, как и всюду, разделение труда строилось прежде всего на биологической несхожести полов. На долю женщины-матери приходилась более легкая работа и то, что можно было делать дома. А мужчина выполнял работу потруднее.

Традиционное разделение труда строго соблюдалось. Так, для женщины немисливо было помогать строить дом, а мужчина стал бы предметом всеобщего осмеяния, даже гнева богов, займись он таким сугубо женским делом, как изготовление тапы. Но в тех случаях, когда это не влекло за собой нарушения традиции, мужчины и женщины охотно помогали друг другу.

Почти всю домашнюю работу выполняла женщина, и было это так несложно, что шведская домохозяйка, наверно,

позавидовала бы полинезийской. Как ни странно, мужчина первым делом помогал готовить пищу. Женщины собирали плоды и корнеплоды, подготавливали их и мясные и рыбные блюда для помещения в земляную печь. Дальнейшее было обязанностью мужчины. Приготавливать пищу в земляной печи (другого способа полинезийцы не знали) справедливо считалось тяжелой работой. Ведь земляная печь — это большая, минимум два на два метра, квадратная яма, которую заполняли камнями и дровами. Когда сгорали дрова, на раскаленные камни клали завернутые в листья яства и засыпали землей. Через час-другой пища была готова, и печь вскрывали.

Из-за упомянутого выше запрета мужчинам и женщинам есть одну пищу всегда делали две печи. Так что, если у главы семьи не было родственников-мужчин и он по своему рангу не мог держать слуг, на его долю выпадал нелегкий труд.

В земляной печи готовили раз в день, после всех работ, но до темноты, то есть около трех-четырех часов дня. Утром обходились холодными остатками вчерашней трапезы, а если до обеда еще хотелось поесть и попить, открывали несколько кокосовых орехов. Понятно, это сильно упрощалостряпню. И полинезийской женщине не надо было ломать себе голову над новыми блюдами, ибо вполне естественным считалось изо дня в день подавать одно и то же. Несмотря на однообразие, пища была достаточно полноценной, это видно хотя бы из того, что, когда в Тихий океан пришли европейцы, островитяне отличались великолепным здоровьем и ослепительно белыми зубами.

Остальные домашние работы требовали от женщин еще меньше усилий, чемстряпня. Так как в домах не было стен и мебели, уборка много времени не отнимала, и роль пылесоса охотно выполнял дующий круглый год пассат. Если хозяйка дома считала нужным произвести генеральную уборку, скажем, перед свадьбой или другим праздником, дело принимало более серьезный оборот: она сыпала пол свежим песочком и перевортывала панданусовые циновки. Больше этого она при всем желании ничего не смогла бы придумать. Стирки не было уже потому, что тапа в воде раскисала. Поэтому грязную одежду просто выкидывали и заменяли новой. Наконец, последнее из трех мало популярных домашних дел — мойка посуды здесь тоже не было хлопотным, потому что роль тарелок играли листья и все ели руками.

Воспитание детей, как бы много их ни было, больших трудностей не причиняло. Во-первых, уход за малышами обычно брали на себя бабушки и дедушки. Дети постарше уже сами помогали по хозяйству, это было частью их уче-

ния. Мягкий климат тоже облегчал дело: мальчики и девочки до шести лет ходили нагишом, а первую их одежду составляла узкая набедренная повязка или передничек, которые держались без всяких пуговиц и завязок. Пеленки делались из тапы и выбрасывались после употребления. И многие проблемы отсутствовали уже потому, что сама жизнь была несравненно проще нашей. Ни тебе лестниц, с которых можно упасть, ни дверей, в которых можно защемить пальцы, ни электрических проводов, за которые можно зацепиться ногой, ни ваз, которые можно разбить, ни дорожных ковров, которые можно испачкать... Не надо волноваться, если малыши убежали поиграть с соседними ребятами: никакая машина не могла их задавить, так как здесь даже не знали колеса. И намного легче жилось родителям благодаря тому, что до счастливых островов еще не добрались наши эпидемии и детские болезни.

Наконец, для верного суждения о трудовой нагрузке полинезийских женщин нужно сказать, что ритм работы у них был более приятным и разнообразным, чем у шведских домохозяек. В Полинезии не вели счет времени, не работали от и до, дети не отсиживали часы в школе. Каждый сам для себя устанавливал, когда и как работать. Чаще всего рабочим местом был дом, труд и отдых незаметно переходили друг в друга. Нужно ли говорить о преимуществах такого естественного трудового ритма!

Если верить некоторым ярым поборникам раскрепощения женщины, ее подчиненная роль в обществе обусловливается прежде всего биологической функцией матери. Особенно распространен этот взгляд среди бездетных сторонниц женского движения. Не будем здесь разбирать, как обстоит дело на Западе, но для полинезийских женщин беременность и роды не составляли серьезной проблемы.

Полинезийкам явно известен некий секрет, который было бы очень полезно узнать. К сожалению, компетентные специалисты до сих пор не занимались этим вопросом. Я же могу только сообщить свои догадки и соображения, надеясь, что их когда-нибудь удастся проверить. К счастью, время тут не играет решающей роли, ведь процесс цивилизации не отразился на родах в Полинезии так сильно, как на всем прочем.

Подобно всякому явлению, легкие роды у полинезинок объясняются целым комплексом причин. Одна из них заключается в том, что они выходят замуж совсем молодыми и обычно рожают первого ребенка до двадцати лет. Другая важная причина: благодаря своей чрезвычайно подвижной жизни полинезийки намного сильнее и гибче женщин Запада.

Итак, если обобщить то, что мы знаем о полинезийской женщине-домохозяйке, эти роли трудно назвать чересчур

обременительными. Полинезийка далеко не раба супруга, напротив, ей приходится легче, чем ему. Другое дело, что в Полинезии женщина не могла похвастаться большими гражданскими правами.

Столкновение противоположностей

Как видно из предыдущих глав, мало сказать, что полинезийские нравы и представления отличаются от наших, западных, они во многом были прямо противоположными. Вот почему в заключение нашего обзора стоит немного рассказать о том, что произошло, когда столкнулись противоположности, и к чему привел долгий контакт между европейской и полинезийской культурами.

Хотя южная часть Маркизского архипелага была открыта еще в 1595 г., лишь в середине XVIII в. число европейцев, которые подолгу находились в Полинезии, возросло настолько, что они могли заметно влиять на островитян. В это время новые географические открытия вроде бы подтвердили давний взгляд, будто в «нижней» части земного шара есть огромный неизведанный материк, и три великие державы — Англия, Франция и Испания, спеша захватить столь важную колонию, снарядили в короткий срок больше десятка экспедиций. Мореплаватели избороздили Тихий океан, никакого Южного континента, естественно, не нашли, но быстро утешились в обществе радушных полинезийцев под пальмами на многочисленных островах.

С 1780 г. в Тихий океан стали проникать китобои, а затем и купцы, привлеченные прежде всего обилием сандалового дерева, за которое китайцы платили очень хорошо. Военные, китобойные и торговые суда по нескольку недель, даже месяцев проводили на богатых островах, в первую очередь на Таити, Гавайском и Маркизском архипелагах. Местным жителям предоставлялся отличный случай обзавестись новыми привычками и особенно пороками. Многих моряков радужный прием так подкупал, что они бежали с корабля и оседали в Полинезии на много лет, подчас на всю жизнь. А так как беглецы чаще всего не отличались высокой нравственностью, последствия для полинезийцев оказывались катастрофическими.

Всегда легче развивать существующий обычай, чем вводить новый, поэтому незваные гости склоняли островитян на такие оргии, каких здесь раньше и не видывали.

Если вначале только незамужние девушки шли на связи с европейцами, а это позволялось полинезийской моралью, — то постепенно их примеру последовали полинезийские замужние женщины. Користволюбие побудило полинезийцев мах-

нуть рукой на все приличия. Раньше в Полинезии не было проституции, но, как только женщины убедились, что моряки готовы им платить за ласку, они ввели это в правило. Деньги, естественно, не представляли для них никакой ценности, зато они очень ценили ткани, гребни, стеклянные бусы и прочие побрякушки.

Многие мужья не только смотрели сквозь пальцы на проделки своих жен, но даже поощряли их. При таком размахе проституции венерические болезни, завезенные европейцами, быстро распространялись. На наиболее посещаемых островах — Таити, Гавайском и Маркизском архипелаге — вскоре оказалось зараженным чуть не все население. Две тысячи лет жившие изолированно от других народов, полинезийцы до тех пор не знали многих заразных болезней, и, когда разразились эпидемии, у них не было никакого иммунитета. Даже такие невинные, по европейским меркам, болезни, как грипп и корь, косили людей налево и направо. Резко сократилось население. По осторожным подсчетам за пять — десять лет от первоначального населения осталась одна десятая!

Наряду с болезнями самым губительным даром, который получили полинезийцы, было огнестрельное оружие. Хотя слово «дар» тут, пожалуй, не к месту, ведь им пришлось дорого расплачиваться поросятами, сандаловым деревом, женщинами и прочим товаром. Наиболее честолюбивые вожди обзаводились целыми арсеналами, а так как сами они не были искусны в обращении с таким оружием, то часто брали на службу беглых моряков.

Среди вождей, присвоивших себе власть с помощью чужестранцев, было немало циничных и бесцеремонных особ, разделявших презрительное отношение своих европейских наставников к полинезийской культуре и порядкам. Подданные следовали их примеру и вскоре открыто начали нарушать табу, традиции и правила морали. В довершение всего многие европейцы занялись контрабандой спиртного и самогонноварением. Полинезийцы, прежде не знавшие спиртных напитков, превращались в завзятых пьяниц. Нетрезвый мозг, как известно, соображает плохо, и драки, кражи, убийства стали обычным делом.

В разгар всеобщего смятения и анархии появились первые миссионеры, представители разных протестантских сект. Они сумели утвердиться на всех островах, кроме Маркизских, Мангарева и Пасхи, после чего и католическая церковь развернула широкое наступление, намереваясь не только подчинить себе названные острова, но и вытеснить отовсюду протестантов. Островитяне были совершенно сбиты с толку. Привыкнув считать всех белых людьми уж очень вольного поведения, грабителями и мошенниками, они пона-

чалу не знали, как понимать странное поведение суровых чернорясников. Особенно удивлялись женщины, которых миссионеры гневно отталкивали, вместо того чтобы заключить в свои объятия.

Церковники привозили с собой немало полезных даров и сами нередко были искусными ремесленниками, хорошими музыкантами и приличными лекарями. Полинезийцы быстро смекнули, что с ними полезно ладить, и всячески помогали им устроиться. На большинстве островов вожди даже соперничали из-за права принять миссионера. Еще больше обрадовались островитяне, убедившись, что новые пришельцы нравственно превосходят тех белых, которые раньше проникли в их мир.

И когда миссионеры овладели языком настолько, что начали читать проповеди, в слушателях недостатка не было. Мало кто мог постичь тонкости религиозных догм, но все понимали, что бог, который наделил своих приверженцев такими знаниями и богатствами, должен обладать великим могуществом. Полинезийцы всегда прагматически подходили к своим богам, не стеснялись променять одного на другого, более сильного. Отчего не испытать бога белых людей, вдруг он и к ним будет так же милостив? Сказано — сделано.

Миссионеры преуспели сравнительно быстро еще и потому, что постарались привлечь на свою сторону влиятельнейших вождей. Их меньше всего смущало, что эти вожди нередко были выскочками, ставленниками европейцев, или трусливыми негодьями, или жестокими убийцами. Так возникло немало причудливых и далеко не священных союзов. Конечно, миссионеры решительно отрицали, что занимаются политикой.

С точки зрения самих миссионеров, борьба за обращение полинезийцев была долгой и затруднительной, но в масштабах истории все свершилось удивительно легко и быстро. Уже в 1830 г.; через каких-нибудь тридцать пять лет после начала миссионерской деятельности, практически все полинезийцы, кроме маркизцев и пасхальцев, были крещены, старые идолы уничтожены, могущество местных жрецов сломлено.

Окрыленные успехом, миссионеры обратили все силы на то, чтобы остановить разложение нравов и насадить порядок. Однако это оказалось куда труднее, чем формально сделать полинезийцев христианами. Возможно, будь миссионеры образованнее, многочисленнее и умнее, задача все же была бы выполнена, а так реформа была обречена на провал.

Мы и теперь очень мало знаем о сложном взаимодействии различных факторов в человеческом обществе, хотя бы и более просто устроенном, чем наше, западное. Сто лет назад ученым было известно еще меньше и уж совсем ни-

чего об этом не ведали миссионеры. Их попытки провести ту или иную реформу сплошь и рядом приводили совсем не к тем результатам, которых они ожидали.

Приведу один особенно печальный пример. С незапамятных времен полинезийцы жили вразброс, каждый на земле своей семьи, или, вернее, рода. Но это не устраивало немногочисленных миссионеров, и, чтобы легче было цивилизовать и просвещать всех прихожан, их уговаривали поселиться поблизости от церквей и школ. Сперва все шло хорошо. Новые деревни вырастали, как грибы, и выглядели вполне красиво и аккуратно, дети прилежно посещали школу, церкви по воскресеньям ломились от пришедших богомольцев. К сожалению, миссионеры начисто забыли, что малойинтенсивное хозяйство полинезийцев не допускало такой концентрации людей. Прилегающие к деревне земля и воды не могли всех прокормить, и жители вынуждены были без конца посещать свои старые сады, огороды и места рыбной ловли. Постепенно им это хождение приелось и они стали всю неделю проводить на прежнем участке, а в красивую новую деревню возвращались только в воскресенье, день богослужения. Миссионеры с этим смирились, но настаивали, чтобы хотя бы дети жили в деревне и посещали школу. Если родители не желали бросать детей одних, приходилось оставлять с ними кого-то из взрослых. Это вело к распаду семьи и общины. К тому же, оказавшись в непривычной тесноте, многие семьи плохо ладили между собой. И большинство решило порвать с миссионерами.

Если бы миссионеры не спешили, как следует все продумывали, пожалуй, удалось бы исправить на ходу наиболее серьезные ошибки. Увы, они стремились в рекордно короткий срок провести весьма основательную работу. В частности, не мешкая, учредили законы (и вынудили бедных островитян их одобрить), насадили судей и полицию и построили тюрьму. Хотя законы никак не отвечали местным условиям, туземные судьи, не имеющие ни образования, ни опыта, тотчас приступили к работе. В итоге даже там, где миссионер самолучно мог наблюдать за судомпроизводством и предотвращать злоупотребления, суд больше всего напоминал фарс.

Похоже, миссионеры ни минуты не задумывались над тем, что в Полинезии условия совсем не такие, как в Европе, и реформы надо проводить с толком. Особенно усердствовали английские кальвинисты. Уверенные, что их мелкобуржуазные и пуританские нравы лучше всего отвечают христианским идеалам, они принуждали полинезийцев во всем следовать их примеру. И в частности, постарались обеспечить своих прихожан пристойной одеждой: рубашка и брюки для мужчин, длинное мешковидное платье для женщин. Для

посещения церкви и прочих торжественных случаев рекомендовались пиджаки, даже суконные костюмы. Один из авторов сообщает, что поначалу полинезийцы чувствовали себя неловко в новой, странной одежде, но все же уступили миссионерам.

Хуже всего было не то, что (как писали некоторые авторы) эта реформа будто бы привила полинезийцам чрезмерное чувство стыда — на самом деле они в полной мере сохранили свой здравый взгляд. А вот с чистоплотностью и гигиеной стало скверно. Непривычные к стирке (ведь тапа воды не выдерживает), полинезийцы не расставались со своей роскошной европейской одеждой до тех пор, пока она не превращалась в дурно пахнущие лохмотья. Введенные миссионерами деревянные и каменные дома со сплошными стенами и закрытыми помещениями тоже уступали в гигиеничности хижинам из листьев.

Недобрую роль сыграли строгость и фанатизм реформаторов. Миссионеры запретили многие традиционные обряды: праздники с танцами, добрачные связи и полигамию, причем бесцеремонно расторгали уже сложившиеся полигамные браки. На многих островах было даже запрещено украшать волосы цветами и делать татуировку.

В общем, на голову новообращенных обрушилась тьма непосильных требований, и, когда они к тому же уразумели, что миссионеры вовсе уж не такие всеведущие, маятник качнулся обратно. Опустели церкви, родители перестали посылать детей в школу, возродились старые, языческие обычаи. Справедливости ради надо сказать, что известную роль тут сыграла подрывная работа других европейцев. И в конце концов все опять стало так, как было до начала деятельности миссионеров. Где — полная анархия, где — пологое отупение и отчаяние. Из прежних обычаев и нравов слишком многое было безвозвратно утрачено, а то, что могли предложить взамен рыцари наживы и миссионеры, полинезийцам опостылело.

Относительный порядок установился только после того, как европейские державы под разными предлогами вмешались и заменили спившихся вождей губернаторами и чиновниками. Силу применять почти не приходилось, островитяне великолепно понимали, что бессмысленно выступать с кремневыми ружьями и деревянными копьями против броненосцев и регулярных войск. И начиная с 1842 г., когда французы оккупировали Таити, до 1900 г., когда немцам удалось подчинить себе Самоа, все полинезийские острова, за одним единственным исключением, вошли в колоннальные владения великих держав. Исключением был архипелаг Тонга, который по сей день остается самостоятельным королевством. Остальные острова Полинезии были поделены между Анг-

лий, Францией, Новой Зеландией, США и Чили. Самостоятельность первым обрел архипелаг Самоа, ставший республикой в 1962 г.

Но еще долго царил апатия и равнодушие ко всему европейскому. На большинстве островов население продолжало сокращаться так быстро, что, казалось, вся полинезийская раса обречена на полное вымирание. И лишь когда островитяне удостоверились, что произвол кончился, у них постепенно возродился вкус к жизни. Копра пользовалась большим спросом на мировом рынке, и многие полинезийцы начали заводить плантации кокосовых пальм. Было введено обязательное посещение школ, открылись профессиональные училища, появились больницы, островитяне узнали эффективные способы лечения. Долго чаша весов колебалась, но в конце концов произошел перелом. Численность населения начала расти, и сегодня некоторым островам даже грозит перенаселение. Но что важнее всего: полинезийцы начали осваиваться в современном мире, который им волей-неволей надо признать, ведь назад пути нет.

Естественно, на разных островах в зависимости от местных условий изменения зашли неодинаково далеко. Меньше всего от старой культуры осталось на Гавайских островах, где практически все живут на западный лад, занимая всевозможные должности от вагоновожатого до начальника полиции. Правда, мало кого из нынешних гавайцев можно назвать чистокровными полинезийцами, а так как расовое смешение продолжается, теперь лишь вопрос времени, когда их окончательно поглотят другие, более многочисленные этнические группы. Самоа представляет противоположную крайность. Здесь на 100 тыс. туземцев, которые, как и прежде, селятся в хижинах из листьев, по-старому одеваются и живут, приходится всего несколько сот европейцев. Между этими крайностями располагаются прочие острова Полинезии.

Такова эта земля в океане и ее люди. И недаром еще Поль Гоген писал: «Дикари, темные дикари, очень многому научили нас, представителей утонченной цивилизации, в искусстве жить и быть счастливыми».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бенгт Даниельссон — автор целого ряда книг об островах Полинезии: в числе их есть и капитальные исследования, и популярные книжки. Светскому читателю уже известны переводы популярных сочинений Даниельссона: «Счастливый остров» (1962) — об острове Рарона из архипелага Туамоту, где автор проводил серьезные полевые этнографические исследования; «Большой риск» — о смелых, но неудачных плаваниях Эрика Бишопа; «Бумеранг» (1964) — поездка по разным местностям Австралии; «Позабывшие острова» (1965) — об островах Маркизского архипелага; «На «Баунти» в Южные моря» (1966) — об истории мятежа команды корабля «Баунти» в конце XVIII в.; «Гоген в Полинезии» (1969) — последний, полинезийский период жизни французского художника. И вот мы знакомимся еще с одним сочинением неутомимого шведского этнографа-исследователя.

Однако в отличие от прежних переводов на русский язык книг Даниельссона настоящее издание не преследует цели полного перевода книги «Söderhavs kärlek». Точное значение заглавия шведского оригинала — «Любовь Южных морей». Книга посвящена обстоятельному описанию и анализу форм брачно-семейной жизни и взаимоотношений полов на островах Полинезии прежде и теперь. Тема эта — очень серьезная и важная. Автор располагает обильным материалом для ее исследования. Книга заслуживает и полного перевода, который, вероятно, в свое время и появится. Но в рамках настоящей серии популярных географо-этнографических очерков «Наука о земле» — вся эта большая тема целиком уместиться не может. Составитель-переводчик настоящей книги Л. Л. Жданов — уже давший нашему читателю ряд прекрасных переводов сочинений и Даниельссона, и Тура Хейердала, в данном случае вынужден был ограничить себя лишь выборкой некоторых интересных и познавательных ценных мест из шведского издания, оставляя до будущего полный его перевод. В настоящем издании русский текст составляет всего около 30 процентов оригинала.

Читатель найдет в книге «Полинезия — земля в океане» прежде всего мастерски набросанный, яркий и популярный очерк географической среды, в которой сложилась и развивалась своеобразная, экзотическая культура народов Полинезии. Этот затерянный в огромных просторах Тихого океана островной мир, несмотря на небольшую сравнительно величину общей поверхности островов, давно уже привлекал к себе внимание не только специалистов-ученых, но и широких кругов образованных европейских читателей. Об архипелагах Полинезии есть и солидная специальная литература, и многочисленные описания путешествий, и немало популярных очерков, и беллетристических произведений, зачастую сугубо романтически окрашенных. Так уж повелось: со времени знаменитых плаваний мореходов XVIII в. (Бугэнвиль, Кук и другие) на

островах Полинезии многие видят некий земной рай, где живут «добродетельные дикари» среди изобильной и благословенной природы, живые остатки золотого детства человечества. И хотя строгое научное исследование не раз вносило охлаждающие коррективы в эту романтическую картину, обывательское представление о земном рае в Полинезии у многих сохраняется. Есть, однако, и противоположное, но столь же упрощенное и неосновательное представление о Полинезии: там живут-де свирепые каннибалы.

Вот почему даже короткий, но добросовестный и трезвый очерк быта населения Полинезии, даваемый здесь Даниельссоном, представляется очень полезным. Автор сам начинает этот очерк с цитирования прежних высказываний о полинезийцах. Одни их рисовали добродушными, честными, неиспорченными сынами природы, другие, напротив, коварными, жестокими, лживыми существами. Даниельссон справедливо отвергает и то и другое представление. Со своей стороны он старается дать максимально объективное, беспристрастное описание нравов, характера, быта островитян, не затушевывая ни дурных, ни хороших их сторон.

Очень важно то, что Даниельссон — в отличие от очень многих прежних авторов — умеет отрешиться от «европоцентризма» в оценке особенно брачно-семейных отношений, брачно-половой морали островитян. Ведь так привычно встречать и в общей, и в специальной научной литературе, и в прежней, и даже в новой, оценки особенностей семейного быта тех или иных народов, основанные на чисто европейских критериях. То, что согласуется с европейскими моральными и правовыми понятиями, то хорошо, а что им противоречит, то плохо. Взгляд на европейскую культурную традицию, на европейские моральные стандарты как на эталон для оценки любых особенностей быта внеевропейских народов очень прочно укоренился, и даже этнографы далеко не все умеют от него освободиться. Бенгт Даниельссон один из немногих, кто сумел это сделать в полной мере. В этом его большая заслуга и в этом особая ценность предлагаемой книги.

В книге этой, хотя и небольшой по размерам, есть и очень много ценных фактических сведений, относящихся к разным сторонам жизни островитян Океании. И прежде всего: как ярко показана в ней зависимость всей этой жизни и от условий физико-географической среды, и от исторических условий! Маленькие островки, окруженные океаном, теплый климат, щедрая природа; но и многовековая изоляция, отсутствие контактов с другими народами... И вот характерный экзотический культурный облик народа, так удивлявший европейцев. Подлинная «земля в океане»!

Немало интересного рассказывает автор и о том, как впервые нарушилась эта вековая изоляция, как вторглись в мирную жизнь островитян европейские пришельцы. Моряки, торговцы, поселенцы, миссионеры, колониальные администраторы в короткое время расшатали традиционные устои жизни полинезийцев. Само существование этих народов оказалось под угрозой, катастрофически быстро сокращалась численность населения. На некоторых островах и архипелагах коренного населения почти не осталось, так произошло на Гавайях, на острове Пасхи. Но на большинстве архипелагов полинезийцы сумели пережить самое тяжелое время, как-то приспособились к новым условиям жизни, устояли. Начался новый, и местами очень быстрый рост коренного населения... Кратким очерком современного его состояния заканчивается книга.

Нельзя сомневаться, что наш читатель с немалым интересом прочтет ее, чем читались прежние работы Даниельссона.

С. А. ТОКАРЕВ,
доктор исторических наук, профессор

Содержание

ПОЛИНЕЗИЯ	1
ЗЕМНОЕ РАЙ	6
АРИСТОКРАТЫ КАМЕННОГО ВЕКА	9
БЫТ И СЕМЬЯ В ПОЛИНЕЗИИ	16
ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ	24
ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО	32
СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ	36
ПОСЛЕСЛОВИЕ	41

Бенгт Даниельссон
ПОЛИНЕЗИЯ — ЗЕМЛЯ В ОКЕАНЕ

Редактор *Н. Косаковская*
Художник *М. Дорохов*
Художественный редактор *Т. Добровольнова*
Технический редактор *А. Ковалевская*
Корректор *Н. Мелешкина*

Сдано в набор 12/VIII 1970 г. Подписано к печати 15/IX 1970 г. Формат бумаги 60×90¹⁶. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,79. Тираж 94 800 экз. Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 1913. Типография изд-ва «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 9 коп.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Возможно, вас заинтересует наша новая серия научно-популярных брошюр «Космонавтика, астрономия», брошюры которой будут выпускаться с января 1971 года. Подписавшись, вы станете получать их на дом так же, как газеты и журналы. Среди 12 номеров, в частности, выйдут следующие работы:

В. Верещетин, доктор юридических наук. Космос и международное право.

А. Елисеев, космонавт. Управление космическим кораблем и задачи экипажа.

Б. Раушенбах, член-корреспондент АН СССР. Космическая навигация.

Г. Скуридин, доктор физико-математических наук. Аппараты для исследования планет.

Д. Мартынов, доктор физико-математических наук. Луна и планеты.

И. Шкловский, член-корреспондент АН СССР. Одиноки ли мы во Вселенной?

Особенности космической программы США.

К. Кондратьев, член-корреспондент АН СССР. Спутники и проблема природных ресурсов.

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «КОСМОНАВТИКА, АСТРОНОМИЯ» МОЖНО В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ ИЛИ У ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ ПО МЕСТУ РАБОТЫ. СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 1 РУБ. 08 КОП. ИНДЕКС СЕРИИ В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 70101. СЕРИЯ ПОМЕЩЕНА В ПРИЛОЖЕНИИ К КАТАЛОГУ «СОЮЗПЕЧАТИ».

Издательство «Знание»

9 коп.

= 10

Индекс
70076

06

005

